

Александр Субботин

СДЕЛКА ПОЛИТОВА

Александр Субботин

Сделка Политова

«Издательские решения»

Субботин А.

Сделка Политова / А. Субботин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745844-7

Герой книги, уверенный в своей исключительности, выводит теорию, по которой ставит себя выше общества. За помощью в реализации идеи он обращается к сверхъестественным силам. Классический сюжет основан на переплетении реальности и мистики: убийства, самоубийства, тайные общества и колдовство. Детективное расследование и мистические события, происходящие на фоне непрекращающегося дождя, наполняют произведение атмосферой загадочности и интереса, который не оставляет читателя до последней страницы.

ISBN 978-5-44-745844-7

© Субботин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Понедельник	9
Глава 2. Минкомпресс	23
Глава 3. Золотое перо	31
Глава 4. Следствие	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сделка Политова

Александр Субботин

Редактор А. В. Субботин

© Александр Субботин, 2017

ISBN 978-5-4474-5844-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В пивной было мрачно, душно, накурено и шумно. Гремели кружки, гудели хриплые подвыпившие голоса, звенела и кое-где даже билась посуда. С тарелок с раздражающим слух скрипом и визгом алюминиевыми вилками снимались кусочки сосисок в горчице, фрагменты рыхлых, истекающих мутным соком чебуреков с зеленоватой начинкой и другая дрянная снедь, всегда сопутствующая таким местам, где посетителям даже не предлагается стульев, и им приходится принимать пищу стоя, переминаясь с ноги на ногу, за высокими длинными столами-стойками. С улицы по углам от входа в пивную и перед ним плотно толклись бородатые бродяги в грязных и дурно пахнущих одеждах. Они громко и развязно шумели, ругались друг с другом и охотно выставляли напоказ свой жалкий и непотребный вид, выпрашивая у входящих гостей мизерные гроши с тем, чтобы тут же потратить их на выпивку. В зале столпотворение пребывало в мареве запахов, состоящем из коктейля алкогольных паров, прогорклого масла, едкого табачного дыма и ещё чего-то кислого: то ли пива, то ли человеческого пота, или пахучей смеси первого и второго разом. Словом, заведение было сквернейшее.

Снаружи в давно немытые окна-витрины бился оголтелый осенний ветер, сотрясая собой широкие и толстые стёкла, звенящие в разошедшихся рамах. Мутный день клонился к вечеру, и в пивной зале начали мало-помалу зажигать почему-то жёлтый свет люминесцентных ламп.

В самом дальнем углу, что был напротив от входа, за одной из стоек, стараясь отгонять от себя желающих примоститься рядом криком: «Занято, занято!» – стоял человек. Перед ним на столике располагались начатая кружка безпенного жидкого пива и продолговатая картонная коробочка из-под зубной пасты.

Человек нервничал и беспокойно стрелял по сторонам своими трусливыми бегающими глазками. Он был одет в грязные стоптанные ботинки, обвисшие, давно не глаженные и оттянутые на коленях коричневые брюки и в ядовито-яркий, той ещё моды, зелёный мешковатый пиджак с сильно потёртыми локтями и манжетами. Под пиджаком у человека была надета чёрная с растянутым воротом водолазка, которая открывала взгляду крупную цепочку, тускло отливающую фальшивым золотом.

Этому человеку на вид было чуть меньше сорока лет. Он был небрит, лысоват и рыж. Лицо имел исхудалое и осунувшееся, но широкое.

Было видно, что в этом неудобном месте он кого-то давно и напряжённо ждал. Он находился в пивной уже более часа и от невыносимости этого ожидания то ломал руки, то опирался ими на стойку, то вновь снимал их с неё и выражал собой крайнее нетерпение и муку.

Но вдруг он вздрогнул, словно уколотый булавкой, и, вцепившись пальцами в край столешницы, да так, что те побелели от избытка усилий, устремил свой взгляд на нового посетителя, который только что вошёл в питейное заведение.

Новый гость сначала огляделся, привыкая к обстановке, затем аккуратно и брезгливо прошёл по залу, стараясь не задевать никого из публики, и приблизился к нашему человеку.

– Доброго вечера, дорогой Евгений Павлович, – несколько фамильярно поприветствовал пришедший и скривил физиономию.

Это был человек лет пятидесяти, в усах и с бородкой, в очках и в шляпе. Одет он был в обыкновенный серый плащ, а в руках держал красную сетчатую авоську, в которой вместо привычного набора продуктов или же обычной для такого места порожней стеклянной банки для пива, которую, бывало, некоторые завсегдатаи ещё носили сюда по старой памяти, лежала большая увесистая книга в кожаном переплёте.

– Добрый вечер, – ответил Евгений Павлович.

– Секунду, подождите! – воскликнул тот, что с авоськой, словно что-то вспомнив. – Я сейчас только пиво возьму. Больно пить хочется.

– Не надо. Оно здесь ужасное, – с какой-то мольбой в голосе предупредил Евгений Павлович, видимо не желающий более ждать.

– Это вы зря, я вам скажу. Ничего-то вы не понимаете. Сейчас же пойду и вернусь.

Бородач ушёл и действительно вернулся весьма быстро. В руке он нёс кружку той странной желтоватой жидкости, что именовали тут пивом. К слову, это пиво, даже только что налитое из крана в пузатую стеклянную кружку, почему-то наотрез отказывалось поднимать над собой хоть сколько-нибудь приличную пену. Но человек в шляпе сделал большой и жадный глоток, скорчил довольную гримасу, поставил кружку на стол, выдохнул и, повесив авоську себе на руку, вынул из кармана плаща пачку папирос и тут же закурил.

В лицо Евгению Павловичу ударила струя густого едкого дыма, и над стойкой поплыл неприятный запах дешёвого табака.

– Ну что ж, – деловито начал бородач. – Вы подготовились, как я вам велел?

Евгений Павлович взволновался ещё сильнее и ответил:

– Да, как вы и велели, всё сделано.

– Точно, точно? – настойчиво продолжал допрашивать человек в шляпе, колко рассматривая собеседника из-за стёкол своих очков.

– Да, как вы сказали. Всё в точности. Вот только у меня некоторые сомнения...

– Э, нет, – махнул рукой бородач. – Так дело не годится. Я думал вы человек серьёзный, рассудительный, идущий, так сказать, до конца. А вы, оказывается, сомневаетесь. Ну, тогда прошу извинить...

И он уже было хотел развернуться, чтобы уйти. Или только сделал вид, как тут же Евгений Павлович запротестовал, и глаза его наполнились сумасшедшим испугом.

– Нет, нет! – в волнении вскричал он. – Вы поймите, для меня всё это так непонятно, так необычно. Фантастически! Я, конечно, слышал об этом и раньше. И читал, и семья у меня верующая была...

Он с шумом выдохнул.

– Верующая? – весьма серьёзно осведомился бородач. – Ну что ж, это даже хорошо. Даже замечательно, я вам скажу. А раз так, то вам и подавно должно быть всё предельно понятно.

Человек в шляпе скинул пепел на пол.

– Да, это вы верно говорите, – пробормотал Евгений Павлович и ветер пот со лба. – Но вот только...

– Что только? – передразнил его человек в шляпе. – Что вы мне тут театр устраиваете? Согласны – будьте любезны. А нет, так я уйду. В самом деле, что за народ пошёл?!

Бородач отхлебнул пиво и, склонив голову, пристально поглядел на собеседника.

– Э, да вы, батенька, уж не испугались ли? – осведомился он. – Так ли? А, понимаю. Поверили, значит, – со сладким удовольствием заключил бородач. – Как в первую-то нашу встречу так всё не верили, насмехались. А как до дела дошло, так и поверили.

Евгений Павлович виновато опустил голову, давая понять, что так всё и есть.

– Конечно, – продолжал человек в шляпе. – Ведь я не сообщил никуда и никому о вашей ценной находке. А уж будьте уверены, сколько бы до неё охотников нашлось. А вы, поди, и сами прибрали её у кого-то? Верно говорю? Вижу, что верно. Ну что ж, сегодня все всё прибирают. Уж не грех. А я же только так, предложил воспользоваться. Пустая формальность. Чепуха, кажется. А теперь смотрю и вижу – поверили.

Бородач вновь отхлебнул пива и уже сурово спросил:

– Ну, так что? Сделку будем совершать, или мне и вправду уйти?

– Будем, – с пустыми глазами проговорил Евгений Павлович и вдруг спросил: – А самоубийство – обязательный пункт?

– О-о, – протянул бородач и с ехидством затараторил. – Самоубийство – пункт наипервейший, наиважнейший, архи, так сказать, главнейший! Без него, мой компаньон, уж позвольте мне теперь вас так называть, ничего сделать невозможно. Совершенно ничего.

– А как это будет?

– Вам сообщат, – коротко ответил странный человек в шляпе и вновь сделал глоток пива.

– Когда?

– Ну, об этом сейчас вам знать не следует. К тому же не такие мы и всеильные. Так, по мелочи... Впрочем... – бородач вставил папиросу в зубы и задумался. – Впрочем, думаю нескоро. Времени у вас будет предостаточно. Знаете, пока люди новые появятся, пока то, пока сё. Словом, не грустите раньше времени.

– А как же вы мне сообщите?

– Сообщим в самой деликатной форме, – убедительно заверил бородач. – Обычно письмом со штемпелем удивительным. Его узнаете. Но, дорожайший Евгений Павлович, разве стоит сейчас терять драгоценное время на такие пустяки? Сами же у себя его крадёте.

Евгений Павлович оживился, и какой-то алчный огонёк блеснул в его глазах.

– Я готов, – решительно сказал он.

Тогда человек в шляпе внимательно взглянул на него, словно пытаясь удостовериться в его твёрдости, затем достал из авоськи ту странную книгу в кожаном переплёте и, раскрыв на нужной странице, осторожно положил её на столик перед Евгением Павловичем. Ткнул в неё жёлтым от табака пальцем и сказал:

– Вот, прошу вас. Прочтите.

Евгений Павлович прочёл указанный текст. Тогда бородач пролистал довольно большую часть страниц и сказал:

– Ваш номер 1480, прошу.

Евгений Павлович раскрыл коробочку из-под зубной пасты и вытащил оттуда небольшой свёрток из чёрной бархатной ткани. Когда он аккуратно и бережно развернул его, на свет показалась удивительная по красоте и блеску золотая перьевая ручка.

– Вы точно сделали всё как положено? – вновь настороженно поинтересовался человек в шляпе, подняв вверх указательный палец. – Ведь вы же понимаете, мне чужого не надо, а для вас всё это может кончиться в разы хуже.

– Всё точно, – ответил Евгений Павлович, словно бы отчитывался.

– Ну, тогда прошу.

В строчке рядом с числом 1480 появилась красная подпись.

– Ну и отлично, – довольно сказал бородач и сразу же достал из кармана плаща пресс-папье. Затем он основательно промокнул подпись и громко захлопнул книгу.

– Ну, что ж, – деловито продолжил он. – Было приятно иметь с вами дело, Евгений Павлович.

С этими словами человек в шляпе залпом допил оставшееся пиво, затушил в пустой кружке почти скуренную папиросу и, подмигнув через очки, развернулся и пошёл прочь, оставив Евгения Павловича в одиночестве.

В Москве тогда стояла осень 1994 года.

Глава 1. Понедельник

*«Тому не нужно далеко ходить, у кого чёрт за плечами», –
произнёс равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.
Н. В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»*

Это началось в понедельник. Нечто подобное всегда и обязательно, и как назло начинается в понедельник, в день и без того тяжёлый и скверный. Это был московский осенний понедельник.

Вообще, начало осени в тот год выдалось неважным. Погода стояла сырая и холодная. Серые тяжёлые тучи сплошным куполом неделями покрывали город, а мелкий моросящий дождь сполна одаривал столицу бесконечным шумом и холодной водой, смывая собой все цветные и тёплые воспоминания о только что ушедшем лете, которое походило теперь лишь на бледную фантазию разыгравшегося воображения.

От избытка влаги в себе Москва, казалось, набухает, раздувается и тяжелеет, грозясь либо сама просесть и провалиться под собственной тяжестью куда-то в преисподнюю, либо же лопнуть и затопить своим жидким содержанием всю землю. Дни тянулись тусклой и унылой вереницей. Бледный дневной свет нехотя отражался от мокрого асфальта, грязных луж и сырых стен поникших домов, лениво вливался в чёрные провалы окон, принося обитателям квартир лишь тоску и сонливость. Сложно было поверить, что в такое хмурое и печальное время хотя бы у одного человека в этом городе могло случиться какое-либо радостное, весёлое или же просто приятное событие. Нет! Этого совершенно не могло быть! Разумеется, что в такую погоду все дни рождения непременно должны быть отложены до лучшей поры, свадьбы отменены, а приятные новости просто обязаны задерживаться где-то в пути. Разве только в похоронных агентствах мог царить ажиотаж. Потому что жить в такую осень было решительно невозможно, и разлитая по Москве атмосфера как нельзя лучше соответствовала таким печальным событиям, как смерть и похороны.

Вот в такой дождливый унылый московский понедельник, с которого и завяжется всё повествование, на Политова свалились неожиданные и неприятные хлопоты. И начать рассказ тут следует с того, что в указанный день, когда на часах было всего лишь половина второго пополудни, и когда по телевизору только начинались многочисленные дневные шоу, к которым, кстати сказать, Политов был очень привязан, выходило, что ему уже следовало собираться и спешить на ненужную и лишнюю, как ему казалось, встречу.

Надо сказать, что последние полгода Иван Александрович Политов довольно редко покидал свою маленькую и неубранную квартиру. А когда ему всё-таки приходилось это делать, то эта авантюра походила на подвиг в его глазах и вызывала в нём самые противоречивые чувства. Он был домосед. Он был из того рода домоседов, которые когда-то ещё были интересны обществу, а общество интересовало их, но потом вдруг они почему-то прекращали всякое своё сношение с миром, а мир, в свою очередь, равнодушно и без какого бы то ни было сожаления отвергал и забывал их самих, за что, в глубине души, отвергнутые, конечно же, чувствовали нестерпимую обиду. Зато за время затворничества Политов сумел вкушать другие редкие и сладостные плоды своего нового положения. Теперь он разрешал себе спать до обеда, никуда не спешить, валяться хоть по полудня на своей скрипучей кровати, смотреть телевизор или же просто без движения лежать в зелёном халате, местами заношенном до натуральных дыр, стараясь при этом ни о чём не думать и заниматься подсчётом количества трещин на давно не белёном потолке – словом, лениться так, как может позволить себе далеко не каждый современный человек. А если прибавить к этому то, что Политов совершенно не заботился о завтрашнем дне, на что у него были свои собственные,

вполне резонные соображения, о которых скажем несколько позже, то картина его жизни выписывалась весьма своеобразная и привлекательная.

Тут, наверное, уместен справедливый вопрос – кем же был этот самый Иван Александрович Политов? Где работал, чем занимался, если позволял себе вести подобный образ жизни? И ответ на этот вопрос будет прозаичен: Политов являлся безработным. Да-да! Самым настоящим безработным – человеком без какого-либо рода деятельности и даже без хобби и без интересов. Впрочем, ещё полгода назад он служил в Московском департаменте и у него даже имелись некоторые перспективы для карьерного роста, но потом, как-то в один день, он всё бросил и укрылся в своей норе, стараясь как можно реже показывать из неё свой нос. Но об этом тоже чуть позже.

А пока Иван Александрович, несмотря на необходимую ему спешку к встрече, лениво закурил и подошёл к окну своей крохотной кухни, располагавшейся на втором этаже обыкновенной московской пятиэтажки. Раздвинув желтоватые в крупную сетку занавески, Политов протянул руку и взялся за оконную ручку. С силой надавив её вниз, отчего та скрипнула, он со звуком дребезжащего стекла открыл оконную створку. Сразу же в кухню ворвался свежий и влажный воздух, наполненный шумом живого бульвара. Клубы табачного дыма, словно пойманные невидимым неводом, начали ускользать в проём и улетать всё дальше и дальше от окна. Уже где-то совсем далеко, там, на бульваре, они обречённо распадались на клоки, которые смешивались с мутной дымкой то ли мелкого дождя, то ли осеннего тумана. Политов внимательно следил за этим процессом своими серыми глазами и о чём-то размышлял.

Иван Александрович Политов был молодой человек двадцати семи лет с вполне приятной наружностью, которая угадывалась в нём, несмотря на то, что за время своего безработного статуса он позволил себе страшно запуститься. Он был бледен. Его тёмные, уже с год не видевшие парикмахерских ножниц волосы бесформенными локонами спадали на плечи и высокий лоб, отчего ему всё время приходилось безуспешно заправлять их куда-то назад, и отчего весь облик его имел крайне неопрятный вид. Серые глаза сидели глубоко, а под припухшими нижними веками проступали глубокие косые складки, расходящиеся в стороны и формирующие на лице плавный переход от переносицы к широким скулам. Нос был ровный, небольшой. Губы, по обыкновению, сильно сжимались до бледности, при этом верхняя губа чуть выдавалась вперёд. На заострённом правильном подбородке когда-то красовалась пижонисто выбритая в пику прочей растительности светлая козлиная борода, но за отсутствием ухода она растворилась в расцветшей вокруг неё общей щетине и практически пропала, не оставив о себе и следа. Однако весь образ его, даже при отсутствии должного ухода, как в целом, так и в деталях, имел вид довольно недурной, если даже не сказать благообразный. И всё-таки, и всё-таки было в лице Политова нечто неправильное, что-то даже уродливое, но и одновременно притягательное, вызывающее желание всмотреться в него повнимательнее, догадаться, в чём заключается его загадка или подвох. И незнакомые люди так поначалу и поступали: они пристально глядели на Политова, глядели, но не могли уловить причину той двойственности в его натуре, которая так очевидно проступала наружу. Его лицо, вместе с маленькими лучиками морщин возле глаз и с напряжённо подтянутыми уголками рта, создавало впечатление несколько хмельное и даже иронично-насмешливое, и в то же время взгляд его был, напротив, – чистым, прямым и даже умным. И это было странно. Потому что казалось, что этот взгляд был вовсе не его, не Политова, а какого-то другого, совершенно неизвестного и, быть может, даже более глубокого и обстоятельного человека. Словно глаза эти были пересажены Политову случайно, позже и по ошибке, но так и не смогли прижиться и органично срастись со всей уже имевшейся в ту пору физиономией. Вот это-то двуличие, непропорциональность вида и содержания часто пугало людей и оставляло их в некотором недоумении после первого знакомства с Иваном Александровичем.

Политов докурил свою сигарету и затушил её в пепельнице. Затем он неуклюже помаhal руками по воздуху, чтобы выгнать остатки дыма на улицу, и с раздражением захлопнул окно.

В своей маленькой захламлённой комнате он быстрым движением сбросил на неубранную кровать свой заношенный халат и начал одеваться. Он надел брюки, отыскал в шкафу неглаженую рубашку, накинул пиджак. Далее он, более по привычке, которая ещё осталась со службы в департаменте, нежели для этикета и красоты, повязал на шею жёванный, впрочем, ещё довольно приличный галстук и вышел в прихожую. Там он всунул ноги в коричневые и нечищенные ботинки, нашёл на вешалке потёртый чёрный плащ и вышел за дверь, на лестницу.

Пока он, согнувшись перед дверью, громко возился с ключами, чтобы закрыть старый, тяжело работающий замок, за его спиной послышался неприятный шорох. Вернее сказать, не то чтоб он был неприятным, но для Политова появление этого звука обозначало предстоящую некоторую неловкость и задержку.

– Иван! – услышал он треснувший голос.

Из квартиры напротив на площадку выступил пожилой и худосочный человек с остроносой седой головой в растянутом коричневом свитере и в стоптанных тапочках.

– Да, Валерий Васильевич! – делая голос доброжелательным и не оборачиваясь, ответил Политов. Он продолжал ковырять замок, который как назло не желал закрываться. Ещё Политов с досадой подумал, что так и не сменил его, хотя давно собирался это сделать как раз с той целью, чтобы старик не мог слышать этого громохання и по нему определять время его прихода или ухода, и тем самым навсегда лишить докучливого соседа шанса подловить его в неподходящее время.

Старик подошёл к Политову и, деловито наклонив свою голову на плечо и разглядывая безуспешную борьбу с заевшим замком, вяло заговорил. Политов уже знал наизусть его первые слова:

– А я слышу, кто-то шуршит на площадке, решил поглядеть в глазок – кто. А это ты. Решил выйти, поздороваться, – старик замолчал.

– Мы с твоими родителями, когда они тут жили, хорошими соседями были, – начал он вновь. – Всегда здоровались. Кстати, как они – родители?

– Даже не представляю, Валерий Васильевич, – на мгновение оторвавшись от двери и посмотрев на старика, ответил Политов. – Вы же знаете, я с ними почти не общаюсь.

– А как твоя работа? – безразлично и с какой-то грустью поинтересовался сосед.

– В поиске, – отвечал Политов, всё более усердно терзая ключ в личинке замка.

– Хорошо. Так вот, с твоими родителями мы были очень хорошими соседями. Помогали друг другу, выручали если надо. Конечно, присматривали за квартирами, если кого из нас не было дома. Очень помню – дружно жили.

Политову, наконец, удалось защёлкнуть задвижку замка и, спрятав ключи в карман, он выпрямился и даже сделал движение к лестнице, но сосед, как бы невзначай, перекрыл ему дорогу.

– А вот с отцом твоим, – продолжал старик, взяв Политова за пуговицу плаща и рассматривая её как нечто удивительное, – так мы вообще, можно сказать, друзьями были. Даже в гости друг к другу ходили. Да! Жаль, что ты вот теперь не заходишь. Не хочешь?

– К сожалению, Валерий Васильевич, сейчас это невозможно, я спешу, – скорчив брезгливую гримасу, потому что от старика пахло затхлостью и чесноком, ответил Политов.

– Так нет же, я не про сейчас, а так. Быть может, как-нибудь вечером решишь зайти, и мы посидим. Я могу картошку прекрасно сварить, а если надо, то и чего-нибудь крепенького, – сосед заговорщицки подмигнул левым, с крупными красными прожилками, глазом. –

А то ведь мы с тобой соседи, а живём странно. А так же нельзя. Вот раньше между людьми совсем другое отношение было...

Своего соседа Политов не любил. Он не любил его за то, что тот был одинок, стар, жалостлив и слезлив. Таких людей Политов вообще не переносил на дух, откровенно считая, что им было бы лучше переехать куда-нибудь подальше ото всех, чтобы своим видом не отравлять жизнь другим нормальным людям, у которых всё хорошо и всё ещё впереди. А заодно не тратить понапрасну их время и силы. Но об этих своих размышлениях Политов никогда в глаза не говорил, в виду своей воспитанности и осторожности. И, однако же, он не любил этого старика. Но эта нелюбовь, быть может, ещё и могла исчезнуть сама собой, так как Политов, по большей части, мало чем и кем интересовался за пределами своей квартиры и ещё реже думал обо всём этом. Но старик с завидным упорством докучал своему молодому соседу. И докучал страшно. Лишь по чистой случайности Политову иногда удавалось выйти или войти в свою квартиру так, чтобы не повстречаться на лестнице со своим вредителем. И каждый раз эти встречи доводили Политова до высшей степени раздражения и болезненности и сделали старика его личным бытовым и тайным врагом. Медленные пустые разговоры на лестнице, которые регулярно заводил его пожилой преследователь, злили Ивана Александровича, и вместе с тем он не знал, как их остановить, как прекратить свою муку, чтобы не сказать старику какую-нибудь дерзость или не показать ему ту ненависть, которая в нём закипала от подобных встреч.

– Валерий Васильевич, я спешу, – с нетерпением прервал соседа Политов.

– Ах да, конечно! – вроде как опомнившись, воскликнул старик, но сам продолжал держаться за Иванову пуговицу.

– Так я пойду? – аккуратно выворачиваясь, осведомился Политов и, совершив хитрый манёвр, очутился на ступеньках. Он уже начал сбегать вниз, совсем не интересуясь ответом, когда услышал откуда-то сверху:

– Иван, но ты обещал! Я же ждать буду!

– Как-нибудь! – находясь уже на следующем пролёте, крикнул Политов и продолжил бежать вниз.

Спустившись с подъездного крыльца и отойдя от него на несколько шагов, Политов почему-то с опаской обернулся и поглядел на свой промокший пятиэтажный дом с тёмным подтёками на стенах и с чёрным дверным проёмом подъезда. Старик за ним не гнался. Успокоившись этим приятным фактом, Иван Александрович как-то обречённо вздохнул и быстро двинулся в сторону троллейбусной остановки.

Политов очень спешил.

На своём пути ему приходилось торопливо огибать широкие лужи, быстро идти грязными дворами и неухоженным бульваром, и с какой-то завистью, вспоминая свой милый дом, мимоходом бросать взгляд на окна домов, в которых из-за пасмурной погоды кое-где тускло, но так уютно уже горел электрический свет.

В троллейбус Иван Александрович вскочил в последний момент, когда водитель уже собирался распускать складную дверь. За неимением денег, Политов юркнул зайцем под турникет и, пробравшись в конец салона, встал перед окном. В троллейбусе тоже было влажно и пахло сырой одеждой, шампунем от намокших волос и резиной. Прислонившись лбом к прохладному стеклу, Иван Александрович задумался. Он задумался так, что чуть было не проехал нужную ему остановку. Такое с ним случалось и ранее. Он старался вытравить из себя эту вредную, мешающую ему жить привычку, которая с некоторого времени прочно укоренилась в нём, но всё было безуспешно. Временами он впадал в такую задумчивость, что не только проезжал или проходил мимо тех мест, куда собственно ему и было нужно, но даже мог пролежать у себя дома чуть ли не с полдня, ничего не делая и даже не шевелясь, а потом как-то вдруг очнуться и подивиться над собой, как это у него так вышло – думать.

Народу возле станции метро, рядом с которой сошёл Политов, было предостаточно. Люди мельтешили и торопились, словно в панике ища место, где можно укрыться от назойливого дождя, цеплялись друг за друга зонтами и сумками, сталкивались и, раздражаясь и ругаясь про себя, продолжали свой суетливый бег. Политов как-то презрительно обвёл происходящее взглядом и брезгливо начал протискиваться сквозь эту беспокойную толчею в сторону широкой улицы, обрамлённой с обеих сторон сталинскими домами из жёлтого керамического кирпича. Наконец, оказавшись на ней, Иван Александрович прошёл квартал, пересёк дорогу и очутился на углу улиц, где располагался итальянский ресторан «Верона» с деревянной летней верандой, проёмы которой из-за непогоды теперь были затянуты прозрачными полиэтиленовыми плёнками. Иван Александрович вошёл внутрь.

От итальянского в «Вероне» были разве только фотографии известных архитектурных сооружений солнечной республики, развешанные в беспорядке на внутренней стене заведения, и полосатая зелёно-бело-красная рубаша с широкими воздушными рукавами услужливого распорядителя в белом фартуке. Он-то первый и встретил Политова:

– Вы будете один? Вас ожидают?

Политов недоверчиво покосился на распорядителя, но не успел ответить, потому что из дальнего угла ему замахал рукой сидящий за столиком мужчина.

Политов указал на него пальцем, и распорядитель только сокрушённо развёл руками.

Иван Александрович подошёл к столику, где сидел мужчина, и поздоровался. Это был Андрей Ланц. Он приехал первый и был как всегда весел, отчего его лицо, и без того широкое, расширилось ещё больше, теперь уже от довольной и искренней улыбки. Политов достал из плаща сигареты и, выложив их на стол, сел. Ланц двумя пальцами подтянул пачку к себе и, склонив голову, прочёл марку:

– Да, брат. Негусто ты живёшь, совсем, – заметил он, а затем также двумя пальцами оттолкнул пачку обратно и, взглянув на Ивана Александровича, сказал. – Ну, как дела – рассказывай!

– Нет, это ты рассказывай. Ты же меня сюда вызвал, – пристально посмотрев на Ланца, возразил Политов. – И давай без лишних вступлений, а то я тебя знаю.

Сказать по правде, последняя реплика Политова была не совсем справедлива – он совершенно не знал Ланца, о чём иногда подумывал и сам. За три года знакомства с этим человеком Иван Александрович мог бы рассказать о нём совсем немного. Однако, обо всём по порядку.

Итак, несмотря на всю свою внешнюю простоту и открытость в лице, Андрей Ланц являлся очень занятым человеком. Вопреки своей немецкой фамилии, он считал себя русским, хотя и был, как он иногда утверждал сам, внуком солдата Вермахта, которого во время Великой Отечественной войны взяли в плен и переправили в СССР.

Ланцу было на вид чуть больше сорока лет. Он был блондин с прямой и длинной чёлкой, свисающей на лоб, и аккуратно стриженными на затылке волосами. Лицо имел широкое, гладкое и всегда идеально выбритое. Нос крупный, с небольшой горбинкой. Глаза почему-то карие, даже почти чёрные, но большие, с идеально чистыми белками. Толстые губы его то и дело расплывались в какой-то радушной улыбке, оголяя ровные ряды белоснежных зубов, а в его массивном подбородке сидела симпатичная ямочка.

Вообще, посмотрев на лицо Ланца, можно было бы сразу определить, что этот человек совершенно здоров, хорошо питается, спит не менее восьми часов в сутки и не утруждает себя изнурительной работой.

Одевался Ланц весьма оригинально. Он словно бы пытался задержать время, которое ускользало от него. А может быть, он попросту был приверженцем старомодного стиля или хотел выделиться, кто знает? Но, так или иначе, а вся одежда у него была подобрана по моде пятидесятих годов двадцатого века. А это значило, что на его могучих плечах неизменно

сидел двубортный полосатый пиджак из тяжёлой и плотной ткани с сильно расширяющимися кверху лацканами заострённой формы. Брюки с манжетами были неимоверно широкими и в ту же полоску, что и пиджак. Грудь и живот Ланца прикрывал жилет с золотой цепочкой от часов, которые покоились в маленьком кармашке, а на его шее был туго повязан шёлковый стильный галстук, поддерживаемый золотой булавкой на вороте. Кроме этой булавки и цепочки от часов на среднем пальце Ланца поблёскивал большой, также из золота, перстень со странным изображением. Это было как будто изображение дома, но весьма стилизованное, на котором отдалённо проглядывалось наличие крыши и одного окна на фасаде.

Чем занимался Ланц, Иван Александрович определённо сказать не мог. Только в начале их отношений, которые зародились на одной из общих служебных вечеринок, когда Политов ещё до департамента работал в юридической конторе, в душевной беседе Ланц случайно обмолвился, что является директором производства на какой-то подмосковной химической фабрике под названием «Штамп». Политову даже припоминалось, что эта самая фабрика занималась чем-то похожим на производство то ли краски, то ли печатных чернил или чего-то в этом роде, но, однако, этим исчерпывалась та информация, что решил тогда открыть о себе его новый приятель.

Несмотря на внешнюю простоту, Ланц обладал довольно скрытным характером и не любил распространяться о себе, и уж тем более о сфере своей деятельности. Впрочем, он обладал ещё одной особенной черточкой: не рассказывая о себе практически ничего серьёзного и при этом отшучиваясь на все вопросы о том, чем он занимается типовой фразой: «А чёрт меня знает! Наверно, я самый бесполезный человек на земле, который попусту ест свой хлеб!», сам он с лёгкостью узнавал почти всё самое важное и сокровенное о каждом новом своём собеседнике. И впоследствии также легко мог раздобыть почти полную информацию о любом из них, если такая нужда у него появлялась.

Теперь же, например, Ланц располагал точными сведениями о том, как и чем живёт Политов. Был осведомлён, что тот сейчас без работы, что просиживает дома практически впроголодь, что совсем никуда не выходит и что, в конечном счёте, катит свою жизнь всё ниже и ниже, не имея никаких внятных перспектив и планов на будущее. Каково же было удивление самого Ивана Александровича, когда он понял, что о его жизни справляется кто-то со стороны, пусть и не совсем посторонний, – а всё-таки большими друзьями они с Ланцем считаться не могли, – и тем больше удивился, когда сегодняшним утром Ланц, позвонив ему, вдруг предложил место на службе.

– Ну, не хочешь вступлений, так не надо! – рассмеялся Ланц. – Но и спешить тут я тоже считаю лишним. Поешь, выпей! А то, наверное, с утра только что и ел, так этот свой дрянной сыр?!

Политов вздохнул.

– Сыр – нормальный, – хмуро пробормотал он.

– Хорошо, пусть так, – ответил Ланц невозмутимо. – Но согласишься, что и отказываться от угощений всё равно глупо. Хоть раз за неделю нормально поешь.

– Ты за этим меня сюда позвал? Впрочем, как скажешь, – согласился Политов и, пробежав глазами строчки в меню, подозвал официанта. Через несколько минут перед Иваном Александровичем уже стояла широкая плоская тарелка с салатом и высокий бокал вина. Политов, по своей заведённой привычке, хотел было заказать коньяк, но Ланц, выставив ладонь вперёд, отказал ему в этой слабости, многозначительно сообщив, что сегодня, скорее всего, принимать крепкое не стоит.

– А ты что? – спросил Политов, указывая вилкой с насаженным на неё кусочком помидора на пустую сервировочную тарелку перед Ланцем.

– Благодарю, я уже сыт, – замотал головой Ланц, отставляя тарелку в сторону. – Я час назад как хорошо подкрепился. Вернее, партнёры меня подкрепили, но да не суть.

– Согласен. Ну, рассказывай же.

– Готов? Так, слушай, – начал Ланц. В это время порыв ветра с силой ударил снаружи в полиэтиленовую плёнку и обдал её крупными каплями дождя, напоминая сидящим на летней веранде о том, что в Москве уже осень.

– Вчера, как ты знаешь, если ещё, конечно, совсем не запутался и не потерял счёт времени от безделья, было воскресенье, – Ланц достал сигарету и, откусив фильтр, вставил её в янтарный мундштук и закурил. – И я был на совещании в Минкомпрессе...

– Это что? – уточнил Политов.

– Минкомпресс. Министерство коммуникаций и прессы – Мин-ком-пресс, – быстро пояснил Ланц.

– А почему в воскресенье?

– Потому что, брат, некоторая работа не может останавливаться ни на день.

– И зачем же тебе там быть? – осведомился Политов.

– Так по делу же. Профильное министерство, – удивлённо ответил Ланц. – Впрочем, то, что было, и совещанием-то назвать сложно, но ты не перебивай, а слушай.

Политов в ответ небрежно кивнул.

– Так вот, – продолжал Ланц. – О чём у нас разговор там был, я думаю, тебе будет неинтересно. Ты вон какой – смурной весь. Но тут важно совсем другое. После того как всё закончилось, я разговорился с их замом. Есть там такой – Жигин Евгений Павлович. Так себе человек. Да тебе его имя, конечно, ничего и не скажет, да я и не спрашиваю. Но пока мы говорили с ним, слово за слово, выяснилось, что у него один помощник из двух. Первое место занимает симпатичная девушка, а второе – совершенно свободно. Но девушкой он не вполне доволен, а подходящих людей на вторую должность у него нет. Хотя, наверно, он их и не ищет. Но зато, как ты уже догадываешься, что на эту должность ему я предложил тебя.

Ланц улыбнулся и торжественно затушил окурок в пепельнице.

К этому времени Политов успел разделаться с салатом и, молча отставив тарелку и отпив из бокала вино, посмотрел на приятеля.

– Зам – заместитель министра? – уточнил он.

– Ну, да.

– Нет, Андрей, ты извини, но это не годится, – спокойно, выдержав паузу, возразил Политов. – Я благодарен тебе, что ты для меня стараешься, но извини ещё раз – это зря.

Тут на Ивана Александровича сразу накатил волна того самого ощущения, которое он предчувствовал после дневного телефонного разговора с Ланцем, а именно бесполезно-лишнее ощущение: чувство бесполезности и излишества всех этих движений, разговоров, объяснений, которые всё равно ни к чему не приведут, а только истратят энергию, силы и расстроят нервы. Ему вдруг стало холодно после съеденного, выпитого и выслушанного.

«Зачем я только вышел из дома? Лучше бы сейчас спал», – подумал про себя Политов и с грустью посмотрел на серую мутную плёнку, закрывающую проёмы на летней веранде. Как сейчас было бы хорошо лежать в скомканной постели, закутанным в старый халат, и с закрытыми глазами слушать, как тугие капли, срываясь откуда-то сверху, заставляют гудло гудеть подоконник.

– А я предвидел, что ты так ответишь! – разбивая мечтания, оживившись, воскликнул Ланц. – И даже догадываюсь почему, но прежде чем я услышу унылые отговорки и твои меланхоличные рассуждения, позволь я тебе напомню парочку неопровержимых истин.

– Говори, – равнодушно ответил Политов, которому, между тем, проворный официант сменил блюда и принёс пасту, более напоминавшую обычные макароны с кетчупом.

– Начнём с того, что тебе просто необходимо выходить из дома. Если хочешь – в свет. Усевшись в своей конуре, ты окончательно потерял связь с миром да к тому же запустил себя

до невозможности. Ты видел себя в зеркале? Посмотри как-нибудь на досуге. Худой, бледный, небритый, – Ланц задержал дыхание, подбирая нужные слова. – Какой-то весь дурной стал, как пёс, честное слово. К тому же работа эта не вечная. Поработаешь с месяц-другой, а больше и не надо. Боишься, не справишься? Справишься. Обычная бумажная волокита. Работал же ты в департаменте? Работал! Справлялся даже очень. Значит, с государственной службой знаком. Адвокатом был...

– Не был я адвокатом, – поправил Политов, лениво ковыряя вилкой в пасте. – В конторе работал, но не адвокатом же.

– Это всё равно, – отпарировал Ланц. – Это совсем не важно. Главное, что у тебя есть всё, что необходимо, и ты не смеешь отказываться. Я тебе этого позволить не могу.

– Андрей, если бы ты знал, – оперев лоб на руку, лениво возразил Политов, – как всё это глупо. Ерунда это всё, чушь и пустое.

– Быть может, кому-то и ерунда, но то, что это не пустое, – это определённо, – Ланц достал новую сигарету и проделал с ней те же манипуляции, что и с предыдущей. – Хорошо! Давай так: если тебе не понравится, я тебя сам потом буду кормить и поить полгода, а ты будешь лежать на своём диване и смотреть в потолок. Пойми же ты, мне обидно, что ты пропадаешь зазря.

Политов отставил свою пасту в сторону и тоже достал сигарету. У него резко пропал аппетит.

– Я совсем не пропадаю, как ты выразился, зазря. Может быть, я только возрождаюсь.

– Ах, но если так... – с иронией заметил Ланц, постучав по пачке дешёвых сигарет Политова.

– Ты смеёшься? Не стоит, – обиделся Политов.

– Я и не думал смеяться, – ответил Ланц.

– Тогда хочешь я тебе расскажу по существу, как обстоят дела?

– Вообще, или это тебе только так кажется?

– Я не знаю...

– Просто, если вообще, – перебил его Ланц, – то звучит это как-то весьма... оригинально, наверно. Впрочем, расскажи, конечно.

– Знаешь, с некоторых пор я начал смотреть на всё, что происходит вокруг меня, намного трезвее, чем раньше.

– Прости, это ты с дивана-то со своего смотреть начал трезвее, забросив службу? – переспросил Ланц, хихикнув.

– Нет, если не хочешь, я могу не рассказывать, – вновь обиделся Политов и посмотрел на собеседника каким-то странным, прямым взглядом. Тем самым взглядом, который вовсе не вязался теперь с его несколько сонным, рассеянным видом.

– Нет, нет. Продолжай, я слушаю, – по-настоящему заверил его Ланц.

И Политов заговорил. Теперь его вдруг охватило такое желание с кем-нибудь поговорить, поделиться, рассказать, что он аж вздрогнул от нетерпения, и какая-то ослабляющая его дрожь прокатилась по всему его телу. Губы как-то вмиг обветрились, а в горле пересохло.

Настолько Ивану Александровичу требовалось сейчас говорить, что он сам подивился этому неожиданному чувству и был бы готов, если понадобится, даже разругаться с Ланцем прямо сейчас и тут в ресторане, лишь бы получилось хоть какое-нибудь общение. Обмен словами, мыслями. Да что там обмен – лишь бы его хоть кто-нибудь выслушал. Пусть вполуха. Посмотрел бы на него живыми глазами. Кивнул хотя бы раз его словам. И если бы на месте Ланца сидел бы сейчас какой-нибудь другой, пусть даже незнакомый, пусть даже чёрствый и злой человек, в данную минуту Политову была бы радость и в нём. До того он сделался одинок и нелюдим, до того угрюм и мрачен в своей замкнутости, что теперь всё передуманное и накопленное в одиночестве рванулось вдруг наружу с неудержимой силой.

– Так вот, – сказал Политов, делая ещё один глоток вина. – Я вот что думаю: вся эта беготня, возня и погоня за карьерой, деньгами, властью, славой, признанием, реализацией, талантом и другими мирскими благами, среди которых могу упомянуть и пресловутую любовь с дружбой...

– Ах, вот как, – вымолвил Ланц.

– Не принимай, пожалуйста, на свой счёт, я говорю в идеале, – поправился Политов, сообразив, что для Ланца упоминание дружбы в таком контексте может показаться обидным.

– Словом, всё это мне видится чепухой! – заключил Политов. – Я более чем уверен, что в этих названных мною вещах не может заключаться цель жизни человека. Они даже, скорее всего, лишь обманка, мираж, карточный домик. Я признаю, что не могу сейчас претендовать на раскрытие тайны всех времён – в чём смысл жизни, – однако же, я твёрдо убеждён, что он явно не заключён ни в одном из перечисленных понятий, или как в данном конкретном случае: в должности, карьере и деньгах, которые ты мне сулишь. Такой вывод я сделал лишь только потому, что все эти блага являются по своей сути искусственными, выдуманскими. Иными словами – своим существованием они обязаны ни чему-либо абсолютному – природе, высшим силам, – а кому-либо – то есть самому человеку, который, собственно, сам всё это придумал и утвердил. Они не первобытны и их не существовало до появления человека. К тому же они не являются общедоступными, а это не есть справедливо. А следовательно, они и не могут быть истиной или главной целью в жизни любого человека. А раз так, то и мне они не нужны!

– Объясни, – попросил Ланц. – Что значит «искусственными», и что же тогда есть справедливость?

– Искусственны они хотя бы потому, что не будь человека, не было бы ни денег, ни власти, ни множества других ценностей, которые с трудом поддаются пониманию и не являются осязаемыми, но к которым почему-то многие стремятся. Они – понятия – выросли и продолжают умножаться вместе с возрастанием сложности нутра человека, его души. При этом всё это носит некий элемент условности, который приняло общество, как правила игры. Однако, если на всё это взглянуть трезво, то мир покажется театром абсурда, не меньше. Вот, например, согласишься, весьма странно, что некий человек, сидя в кресле из дорогой кожи, смеет управлять, приказывать и распоряжаться, как поступать огромному числу людей, хотя при этом, в абсолютном смысле, этот господин не имеет ни силы и ни прав, чтобы принимать хоть сколько-нибудь судьбоносные решения даже для самого никчёмного человечка, но, однако ж, он это делает, да к тому же под радостные возгласы большинства. Ну, разве это справедливо? Разве это хоть сколько-нибудь обусловлено бытием? Конечно, нет! Это лишь правила игры, и завтра, если так случится, что человека надо будет выкинуть из его уютного кресла, то большинству, которым он так недавно безраздельно управлял, достаточно будет просто войти в его кабинет в составе двух человек и выкинуть его из кресла, а заодно и из окна его просторного кабинета. При этом те самые два делегата не нарушат ни один закон мироздания, а лишь переступят через те правила, которые сами для себя и создали.

Ланц подумал, а потом усмехнулся:

– Иван, но эта идея не нова. Было уже что-то такое. И называлось оно, кажется, дефестрацией. Кроме того, если мы так будем выкидывать всех руководителей из окон и переступать через свои же правила, то вокруг нас воцарится хаос. А по мне, лучше уж абсурд, чем хаос. Весь мир выбрал самую приемлемую модель для нормальной жизни, и спорить тут совершенно не о чём.

– Так кто же спорит по поводу модели?! – от непонимания разозлился Политов. – Я говорю не о модели, пусть она живёт и ещё тысячу лет здравствует. Я говорю только о том, что она искусственная. Не она сама себя произвела, не природа, а человек её придумал и воплощает в жизнь, сколько живёт сам. К слову сказать, в дикой природе, к примеру, вожак

стаи защищает своё право им быть именно через силу настоящую, а не эфемерную. А вот у людей, у которых главная сила это разум, как-то даже не принято проводить обыкновенный сравнительный тест IQ среди сотрудников перед повышением, что, мне кажется, очень зря, – Политов затянулся сигаретой и продолжил: – Отсюда можно ли считать целью бытия задачу стать, допустим, президентом или чувствовать в себе такое призвание, а вдруг став им, сказать: «Да, я познал, я прожил свою жизнь не зря, я исполнил свой жизненный долг и постиг смысл!»? Нет же! Ведь это приблизительно то же самое, что, проснувшись утром у себя же дома, создавать себе правила, по которым ты будешь перемещаться на кухню, следовать им и, оказавшись в нужном месте, провозгласить себя великим! Это смешно! Вот ты спрашивал про справедливость, так вот, справедливость наступает тогда, когда каждый может достигнуть той самой цели, которая и является смыслом жизни, при этом, невзирая на своё положение в обществе, пол, расу, даже умственные или духовные способности. Понимаешь, чтобы каждый мог и имел на это одинаковое со всеми право. Но вот сегодня это не так. Ведь не будешь же ты отрицать, что уроду сложнее найти себе настоящую любовь, а человеку, родившемуся с синдромом Дауна, наверняка не стать учёным или банкиром. Вот в чём проявляется несправедливость. А я хочу, чтоб каждому цель человеческая его, жизненная цель, была доступна наравне. А то, что я перечислил: деньги, власть, богатство, успех, реализация, дружба, – всё это можно смело отметить как несущественное. Очевидно, что это не главные ценности в жизни человека. А главная цель, смысл, так сказать, должен быть очень простым для каждого и для каждого доступным. Скажем, как жизнь и смерть. Ведь определённо, что должна быть некая константа, которая нас уравнивает и которая даёт нам единые шансы для достижения верной цели.

– Ну, ты хватил, брат: жизнь и смерть, – отвернувшись, задумчиво повторил Ланц и начал жевать зубами мундштук. – Кроме этих вещей, в нашей жизни есть ещё множество других факторов. Если мы уже про власть заговорили, – Ланц снова повернулся к собеседнику, – то как же всё-таки быть с сильными мира сего, которые, собственно, и распоряжаются чужими жизнями и смертями? Выходит, по-твоему, и это бессмысленно и пустое?

Политов снисходительно посмотрел на Ланца.

– В том-то и дело, что пустое. Но главное, что тратить время на это – просто преступление. Ну, вот хочешь, для примера возьмём такой момент. Вот кто, по-твоему, важнее: простой убийца с большой дороги или высоченной важности банкир, у которого в кармане сбережения множества людей?

Ланц улыбнулся:

– Конечно, ты сейчас мне начнёшь доказывать, что убийца имеет больше важности в нашей жизни, нежели банкир. Я это раскрыл. Так объясни, почему? Хотя я с этим не совсем согласен.

– Лишь потому, мой дорогой Андрей, что убийца, совершая своё деяние, нарушает не мнимый, не условный закон, под которым добровольно, заметь это, добровольно, подписалось множество людей. Убийца нарушает закон всего миропорядка. Так сказать, высший закон, придуманный отнюдь не человеком. И будь я на распутье: стать либо убийцей, либо самым властным банкиром на планете, то скорее я бы стал первым, нежели вторым, потому что тот, первый, существеннее, сильнее и властнее, чем сто, тысяча банкиров. Кроме того, убийца почти полностью вписывается в мою теорию о справедливости – им может стать почти каждый.

– Постой, постой, – замахал рукой Ланц. – Тут ты неправ. Банкир так же может стать и убийцей, и спасителем. Он, как и твой преступник, может довести человека до смерти.

– Нет, Андрей, – твёрдо ответил Политов. – А если даже и да, то только косвенно. Не напрямую, а посредством тех же глупых условностей, которые приняла сама жертва. А вот если жертва не принимает этих условий? Отказывается от таких правил в жизни, что

тогда? А ничего с таким человеком твой банкир поделывать не сможет. А вот встретиться этот человек с убийцей в тёмном переулке, то тут дело совсем другое получится.

Политов внимательно посмотрел на Ланца, а тот сидел и глядел на него каким-то странным взглядом. Не то в нём проскользнул чуть уловимый страх, не то отвращение. Впрочем, при всём при этом глаза Ланца вдруг удивительно заблестели и прояснились.

Политов же вдруг подумал, что его гипотетическое желание стать убийцей могло испугать не совсем близкого ему человека. Тогда он решил поправиться:

– Если тебе не нравится пример с убийцей, то то же самое могу сказать о сыщиках, например, в ряды которых я, быть может, встал бы с большим удовольствием. На них лежит ещё более важная миссия – их задача остановить этого убийцу, тем самым на деле, согласно высшему закону, спасти жизни людей. Это не условные банковские операции...

Приятели замолчали, потому что второй приведённый пример был явно неудачным и никак не мог скрасить сложившегося тягостного впечатления.

Политов потушил сигарету и достал следующую.

– И всё же, я думаю, дорога у каждого своя, – пытаюсь сказать это как можно развязанней, весело произнёс Ланц, но было видно, что он остался поражён идеей своего друга, и это потрясение родило в нём какую-то глубокую, ещё не совсем даже ему ясную мысль. – Каждый должен делать своё дело. В этом-то и есть весь смысл и равновесие в Мире, – а потом зачем-то добавил: – То, что внизу, то и вверх, а то, что вверх, то и внизу – вот главный закон.

Политову эта фраза почему-то порезала слух, а Ланц продолжал:

– А что именно делать, так это уж каждый должен решать сам. Кому-то нравится горох, а кому-то чечевица. Всем не угодишь.

– Нет, – откинувшись на спинку кресла, замотал головой Политов и выпустил тонкую струйку дыма. – Дорога у всех непременно должна быть только одна, иначе зачем мы так похожи, зачем любим, в идеале, одно и то же, зачем, в конце концов, мы все люди с разумом и душой? Наверняка есть один единственный правильный путь, который и приведёт человечество ко всеобщему благу – к раю на земле, если хочешь. И тогда, и только тогда будет всем счастье! А всё, что мне предлагает сегодняшний мир, я отвергаю. Я не верю в эти предметы и идеи. Они пусты и ложны. И каждый человек, двигаясь по одному из этих путей, пытаясь добраться до одной из этих эфемерных целей, жестоко ошибается. И, в конце концов, станет терзать и презирать себя за то, что по глупости человеческой или под влиянием скудоумной толпы пошёл этой кривой дорогой, которая завела его чёрт знает куда! И уж совсем не за тем, чего ему было надо.

Ланц, наконец, вытащил давно дотлевший окурок из мундштука и кинул его в пепельницу.

– Да, брат! Совсем, видно, у тебя мозги запеклись, раз такое рассказываешь. Ну, и действуй тогда согласно своим словам: отвергаешь всё мирское – иди в монахи, в пустошь, и питайся подножным кормом. Вот тебе и смысл жизни. Бесконечный. Гармония и покой.

Ланц дразнил Политова этими словами. Иван Александрович понял это и весело рассмеялся в ответ.

– Я так и ждал этого вопроса! Был уверен, что ты нечто подобное и скажешь. Там дело совсем другое, – но вдруг Иван Александрович опустил глаза и, поджав губы, как бы на несколько секунд задумался, подбирая слова перед долгой речью. – Родители у меня были настоящими советскими людьми. Это значит, что сперва они стали октябрятами, потом пионерами, далее – комсомол. В общем, они были чужды любой религии. У них религия была одна – коммунизм. Их даже можно было бы назвать воинствующими атеистами, если бы не моя покойная бабка, которую я знал лишь в глубоком детстве, но о которой после её кончины осталась такая сильная память, что моим отцу и матери даже в голову не пришло бы выражаться в моем присутствии о Боге хоть в сколько-нибудь нелицеприятной форме. Бабка

им всегда говорила: «Подрастёт, сам разберётся, что к чему, без вашей пропаганды!» И вот я подрос, но её пророчество не сбылось – не разобрался я сам и, наверно, уже никогда окончательно не разберусь, но всё то, что я сумел постичь, даёт мне некоторое право ответить и на твой вопрос касательно религии. Суть, мне кажется, тут вот в чём: все те монахи, служители культа, да и каждый истинно верующий человек; словом, все те, кто слепо отдал свой разум этой доселе не разгаданной загадке, так или иначе, но они уже не живут, и не имеют права жить нашей земной жизнью. Они, если так можно выразиться, уже мертвы и находятся где-то далеко отсюда, в той самой загробной жизни, которую нам обещает любая религия. Они, зная, что Бог есть, и что есть посмертная вечная жизнь, просто обязаны строго соблюдать все религиозные законы, тем самым отрекаясь от всех мирских соблазнов, что равно их телесной смерти и присутствию здесь на земле единственно их бессмертной души. Ведь тело их совершенно укрощено, а значит, оно уже не имеет никакого смысла и находится тут лишь постольку, поскольку оно ещё не износилось и может физически функционировать, как простой механизм. А душа же человека давно находится в предвкушении того райского блаженства, которое было обещано, и только и мечтает, как бы побыстрее покинуть этот грешный мир, избежав дальнейших соблазнов. Да. Я согласен. Они постигли смысл жизни, бытия, но какого? Посмертного! Не земного. Иными словами, они уже тут на земле начали жить так и тем, что в любом случае ждёт их после смерти. И это тоже совсем не то, чего я желаю. Мне же нужен смысл этой, нашей грешной, простой и понятной, физической жизни. Если хочешь, мне нужен Бог земной. Тот, который сможет мне пообещать то же самое, что и после смерти, но только пока я жив! А тот мир, лучший, как говорят – настоящий и даже справедливый – пусть он подождёт. Всему своё время, а я пока хочу жить тут! Тут преклонить колени перед нашим, земным Богом, который даст мне спокойствие, наслаждение и окончательный смысл бытия.

Казалось, Ланца ещё сильнее потряс этот, последний Иванов монолог. И даже осталось не понятным, что теперь его удивило больше: или новый угол рассмотрения вопроса о религии, который он доселе не встречал, или же логичное и холодное её отрицание, как нечто ненужное и действительно пустое при современном развитии человека.

– Это похоже на нигилизм, – после недолгого молчания заметил Ланц.

– Почему же? Совсем нет, – ответил Политов. – Я верю. Верю в то, что пока мы живём на этом свете, и пока мы можем действовать и рассуждать, нам просто необходимо искать этот высокий смысл бытия, – и, усмехнувшись, Политов добавил: – Но не такой высокий, как жизнь после смерти, однако ж и не такой низкий, как деньги и слава, любовь, дружба и другие надуманные прелести.

Между собеседниками наступило молчание.

– Идея хорошая, спорить не стану, – вымолвил, наконец, Ланц. – Но, Иван, согласишься, какой толк от того, что ты лежишь у себя в комнате, на диване и отправляешь в пустоту свои мысли. Ведь ты не пишешь, не издаёшься, тебя даже на телевидение-то не пустят, чтобы ты свою идею раскрыл.

Политов докурил и снова подвинул к себе тарелку с пастой.

– Ну и что, – ответил он, деловито нанизывая на вилку макароны, а затем отправляя их в рот. – Пока это совершенно не важно.

– Знаешь, ты поразительный человек, – в нетерпении перебил Ланц. – Наверное, за это я тебя так и люблю и стараюсь хоть как-то тебе помочь. Ты мне рассказываешь невероятные теории вселенского масштаба и тут же инфантильно говоришь, что всё это пока неважно. А что, когда, когда это станет важным?

– Когда придёт время, – усмехнулся Политов.

Ланц только махнул рукой и обиделся.

– Андрей, не сердись, – смягчился Политов, воткнув вилку поглубже в гору не понравившейся ему пасты, и протёр рот салфеткой. – Но идея твоя с моим устройством на службу мне кажется бессмысленной.

Ланц молчал и, хмурясь, тщетно пытался разглядеть сквозь мутную полиэтиленовую плёнку, что происходит на улице.

– Хорошо, что ты хочешь? Чтоб я пошёл служить в Минкомпресс? Я ведь думаю, что ты не зря меня так сильно пытаешься продвинуть туда, – Политов поднял указательный палец и наставнически помахал им. – У тебя наверняка есть на меня планы. Так ведь?

Ланц оживился.

– Собственно, я и не собираюсь скрывать от тебя то, что свой человек в известном тебе ведомстве был бы мне очень полезен, – Ланц улыбнулся. – Очевидно же, что мои интересы весьма близко лежат, если не сказать больше, рядом с полем деятельности этой конторы. Ты же человек толковый, понимающий. Но я вижу, что ты встал в позу и хочешь сидеть со своими вселенскими мыслями в своей жалкой конуре и плесневеть там вместе со своим сыром. Так?

Политов вдруг в этот момент почему-то почувствовал себя очень хорошо. Быть может, это от того, что он смог выговориться, рассказав свою, как ему казалось, оригинальную теорию, и даже в некотором смысле вознестись тем самым. А может быть, это вино так подействовало на него своими чарующими свойствами – неизвестно, но так или иначе, а Политов смягчился.

– Ну что ж, давай попробуем, – добродушно сказал он и рассеянным движением вновь достал сигарету и закурил. – Ведь, чёрт возьми, действительно было бы не плохо вот так сидеть в ресторане, есть, пить и не думать, у кого на завтра занять денег! К слову – ты мне одолжить сможешь?

– Смогу, – с облегчением вздохнув, успокоил его Ланц. – Тогда звони.

С этими словами он наклонился под стол и, достав оттуда коричневый портфель, пережатый двумя ремнями с жёлтыми пряжками, поставил его себе на колени. Из портфеля он вынул мобильный телефон и, щёлкнув по нему пальцами, пустил его скользить по столу, пока аппарат не оказался в руках Политова.

– Куда? – удивился Иван Александрович. – Туда? – он взглянул на часы. – Может, завтра. Ведь сейчас уже поздно, наверно.

– Ничего не поздно, – возразил Ланц и снял с колен портфель. – Он раньше семи никогда не уходит. Позвони, представься и договорись. В телефоне он таков и есть: «Жигин, секретариат».

– Как его имя-отчество? – переспросил Политов, пока искал нужный номер.

– Евгений Павлович, – напомнил Ланц.

Сначала в трубке раздавались странные, необычные гудки, а потом равнодушный женский голос ответил:

– Приёмная Жигина. Я вас слушаю.

– Добрый вечер! Это Политов беспокоит, – представился Иван Александрович. – Как мне связаться с Евгением Павловичем?

– По какому вопросу? – спросил женский голос.

Политов замялся и посмотрел на Ланца, который, не слыша разговора, тоже растерянно поглядел в ответ.

– По вопросу трудоустройства, – нашёлся Политов. – Мне сказали, что...

– Секунду, – перебил женский голос, и в трубке послышалась электронная мелодия ожидания.

– Да, я вас слушаю! – вдруг в аппарат ворвался грубый мужской баритон.

– Здравствуйте, Евгений Павлович! Это Политов, – вновь представился Иван Александрович. – Я от Андрея Ланца. Он с вами обо мне разговаривал, и вот я позвонил.

– Да-да, – смягчившись, ответил Жигин. – Конечно, помню. Вчера было? Я сейчас немного занят. Вы завтра сможете подъехать? Часам к двенадцати?

– Смогу, – удивившись, ответил Политов. Он почему-то не ожидал таких простых переговоров. Впрочем, он так же не смог бы ответить себе, а как именно должен был бы сложиться их разговор.

– Ну, вот и отлично! Где мы находимся – знаете?

– Знаю, – зачем-то соврал Политов.

– Ну, совсем хорошо! Тогда я пропуск вам закажу. Получите пропуск, тогда из холла позвоните по местному 1213 – вас встретят, – и, не дожидаясь ответа, Жигин попрощался и положил трубку.

– Договорился? – спросил Ланц.

– Да. Завтра в двенадцать.

Ланц заулыбался.

– Недаром я тебе коньяка не давал пить. Чтоб завтра был как огурец! Значит, тогда слушай: завтра встань пораньше и отправляйся в парикмахерскую – постригись, побрейся, а сегодня приведи одежду в порядок. Погладь, что ли. А то если ты завтра явишься в таком виде, Жигин больше со мной говорить не захочет. Слышишь?

Политов, задумавшись, крутил в пальцах мобильный телефон. На веранду налетел очередной порыв мокрого ветра, и из невидимых щелей пошёл лёгкий неприятный сквозняк.

– Да, Андрей, – ответил Политов, возвращая телефон скорее машинально, нежели осознанно. – Я понял.

Глава 2. Минкомпресс

Министерство коммуникаций и прессы, а сокращённо Минкомпресс, находилось возле станции метро Китай-город. Политов и без карты, которую он по наставлению Ланца всё же таки предварительно изучил, легко бы нашёл это здание. Это было высокое длинное строение, растянувшееся почти во всю улицу и уходящее своей громадой куда-то вглубь двора, отгороженного чугунными прутьями ворот. Высокий, в человеческий рост, цоколь дома был облицован гладким коричневым мрамором, а над ним поднимался тяжёлый выкрашенный в белый цвет фасад с жёлтыми пилястрами и широкими пластиковыми окнами.

Этажей у здания было девять, но, по всей видимости, потолки в кабинетах и коридорах были такие высокие, а лестничные пролёты такие большие и просторные, что высота строения казалась равносильной высоте жилой башни, имеющей в себе этажей как минимум пятнадцать. Все эти массивные архитектурные качества здания существенно увеличивали вес и придавали суровость и значимость организации, которая там располагалась.

Было безветренно. Политов стоял у ступенек главного подъезда министерства и, подняв лицо кверху, навстречу падающему дождю, задумчиво разглядывал учреждение. Часто летящие с неба капли сливались в тонкие водяные линии и перспективой спускались вниз на Политова откуда-то сверху, с серого и однотонного потолка туч. Иван Александрович ощущал, как влага уже начала пропитывать его волосы, заползать за ворот плаща, а с лица начали скатываться первые холодные ручейки, но он не уходил. Он словно всматривался сквозь, пытаясь угадать, что именно может скрываться за этими толстыми стенами, и что ожидает его самого, если он только переступит порог Минкомпресса. Но всё было тщетно, – министерство оставалось неприступным и делиться своими тайнами, вынося всё на вид перед каждым мимо идущим зевакой, не собиралось. Тогда, постояв так минут с пять, Иван Александрович легко взбежал по ступенькам, открыл податливую стеклянную дверь и очутился внутри, в шумном и тёплом холле Минкомпресса.

Было многолюдно. Посетители и служащие, поодиночке или же мелкими группами, стояли, рассредоточившись по всему широкому отделанному серым мрамором холлу и громко разговаривали, подняв под потолок многозвучный гомон. Те, кто был в одиночестве, говорили либо по мобильным аппаратам, либо по местным телефонам, которые крепились на стене в углу, а те же, кто был в обществе, вели беседы, шелестели бумагами, пожимали руки и восклицали в приветствиях. Чувствовался разгар рабочего, бюрократического дня. Политов после нескольких месяцев плотного одиночества даже застыл на месте в растерянности от многолюдья перед ним представшего. Очнулся он не сразу, а когда это произошло, первое, что привлекло его внимание, это была отдельная группа граждан, которая, выстроившись в очередь, расположилась возле окошка с надписью «Бюро пропусков». Иван Александрович больше не стал медлить и занял место в хвосте этой человеческой вереницы. Предъявив в окошке паспорт, Политов получил от вежливой сотрудницы небольшой листок со своей фамилией, временем прибытия и номером кабинета, куда он должен был проследовать. После этого Иван Александрович пересёк холл и, сняв трубку с одного из местных телефонов, набрал номер 1213.

– Алло, – почти сразу ответил безразличный женский голос, но уже совсем не той женщины, с которой Политов говорил намеренно.

– Добрый день, – ответил Политов. – Меня зовут Иван Политов. Мне назначено сегодня на двенадцать. Мне сказали, чтобы я позвонил по этому номеру, и тогда меня встретят.

– А... – лениво протянула девушка на другом конце провода и как-то смягчилась. – Да, сейчас. Только вам, скорее всего, придётся ждать.

– То есть? – переспросил Политов.

– Жигина в данный момент нет на месте, и когда он будет – неизвестно. Ждите, сейчас спущусь.

Политов остался несколько расстроенным, потому что терять время на ожидания чиновника ему совсем не хотелось и это даже при отсутствии иных дел запланированных на сегодня. Дивный парадокс: только становясь безработным, человек по-настоящему начинает ценить своё время.

Через несколько минут у проходной, где вблизи хромированных створок пропускного пункта и рамки металлоискателя сидел седой круглолицый охранник, появилась тоненькая фигурка миниатюрной девушки. Фигурка без каких-либо замешательств и оглядывания посетителей напрямик устремилась к Политову, словно хорошо его знала, при этом искусно проскальзывая между собравшимися в холле людьми. Подойдя к Политову, девушка мягко в приветствии протянула ему руку и представилась:

– Меня зовут Марина. Я помощница Жигина. Пойдёмте?

Политов осторожно пожал руку и, не успев откомендоваться в ответ, поспешил за девушкой, которая к тому времени уже развернулась и начала быстро удаляться.

Иван Александрович несколько смешался от такой спешки и поторопился вслед за помощницей, заодно стараясь рассмотреть её хотя бы со спины. Это была девушка очень небольшого роста, наверно, по грудь самому Политову, хотя сам он не считал себя высоким. Её длинные прямые волосы каштанового цвета были прилежно расчёсаны и лежали на спине и плечах. По виду ей было не больше восемнадцати-двадцати лет. Лицо, насколько успел заметить Политов, было милое и даже детское. За это говорили и весело вздёрнутый носик, и алые пухлые губки, и небольшие, но пронзительные тёмные глазки, которые смотрели очень внимательно и испытующе, так, как это часто делают дети. Да и в целом она была вся какая-то кукольная, хрупкая, с повадками, напоминавшими двенадцатилетнего мальчугана, впрочем, не обделённая вовсе и типичной женской утончённости.

Они прошли пропускной пункт с охранником и зашли в зеркальный лифт. Марина нажал на кнопку с номером четыре и обернулась.

– Значит, к нам на службу? – с любопытством спросила она. – От Ланца?

– Да. А вы его знаете? – осведомился Политов.

– Конечно! Кто его здесь не знает?! Интересный мужчина.

– Чем же? – спросил Политов.

– Сложно сказать. Наверное, костюмом, – усмехнулась девушка. – Сегодня мало кто так оригинально одевается.

При этих словах Марина как-то оценивающе оглядела Политова. Осмотрев гостя, она заметно расстроилась – это было написано на её лице. Иван Александрович несколько смутился от такого откровенного его исследования, машинально поправил галстук на всё такой же неглаженной рубашке и переступил с ноги на ногу в своих не очень начищенных ботинках.

– Весьма приятно, – продолжала Марина, – смотреть на мужчину, который умеет следить за собой. – К тому же Ланц весёлый, – добавила она. – Умеет пошутить. Ты его друг?

В это время лифт остановился и просигналил, что приехали на нужный этаж, и Марина, не дожидаясь ответа, вышла на площадку.

– Да, друг, – вновь догоняя девушку, подтвердил Политов.

С лестничной площадки они вошли в какой-то длинный коридор со множеством выходящих в него кабинетных дверей и стремительно зашагали по нему, старательно обходя служащих, которые поминутно оказывались на пути.

Как показалось в тот день Политову, вокруг царил аврал и хаос, отчего, в отличие от многолюдного холла, он испытал нечто похожее на тошноту, а на его лбу вдруг выступила холодная испарина.

Двери тут непрерывно стучали, клацали задвижки дверных замков, шуршала и цокала по паркету обувь сотрудников. Повсюду раздавались какие-то окрики, восклицания. Какие-то люди совсем не к месту стояли возле стены и, раскрыв на руках папки, водили пальцами по бумагам, другие же просто, будто соревнуясь, перебегали из одного кабинета в другой. В целом создавалось впечатление, что все здание, весь Минкомпресс раскачивался и дрожал от подготовки второпях какого-то необыкновенно важного отчёта, который необходимо было сдать со сроком «ещё вчера», но работа над которым только-только начиналась.

Вдруг какой-то покрасневший служащий в белой рубашке, но без пиджака, летевший по коридору им навстречу, поравнявшись с ними, неожиданно что-то буркнул девушке, очевидно, что-то похожее на приветствие, и сунул ей в руки какие-то бумаги, а затем также стремительно исчез за их спинами.

Всё произошло так внезапно, что Политов даже не сумел разглядеть этого бегуна, а когда обернулся, то тот уже успел скрыться в одном из кабинетов, добавив в общий шум ещё один звонкий хлопок дверью.

Марина невозмутимо и на ходу пробежала взглядом полученные бумаги, приподняла брови и ничего не сказала.

Наконец, коридор закончился, и они вдруг опять вышли на лестничную площадку, где стали быстро взбегать по лестнице вверх.

– А зачем мы опять тут? Разве нельзя было приехать сюда на лифте? – поинтересовался Политов.

– Нельзя, Иван. У нас тут просто хитрая архитектура: одна лестница только внутренняя – вот эта, а вторая, которая была, – внешняя. Но это ничего. Сам потом разберёшься и привыкнешь. Но вот мы и дошли.

Они остановились перед деревянными дверьми с непрозрачными стёклами, на которых чудаковато было изображено гусиное перо, воткнутое в печатную машинку. Марина достала своё удостоверение и приложила его к прямоугольному датчику на стене. Горящий на нём красный огонёк сменился зелёным, раздался звуковой сигнал, и, отворив дверь, двое молодых людей вошли в проём.

То, что увидел Политов внутри, по облику сильно отличалось от всего того, что он наблюдал чуть ранее. Первое, что его поразило, – эта была тишина. Тишина звенящая и одновременно глухая.словно в одно мгновение, переступив через порог, он очутился в вакуумном пространстве. Тут уже не было той беготни и суеты, что преобладали на других этажах учреждения, да и людей тоже не было. Второе – это отделка, его окружившая. Хотя по назначению это был всё тот же коридор с выходящими в него дверьми, но вот только смысл его резко сменился. На место дешёвых офисных отделочных панелей пришло дорогое дерево. Кабинеты закрывали тяжёлые и массивные двери с вычурными натёртыми золотом ручками. Под ногами стелился пушистый красный ковёр.

Политов приподнял брови.

Марина осторожно покосилась на него, стараясь с пониманием уловить его удивления, словно она показывала ему нечто ею созданное или ей принадлежащее.

Дойдя почти до конца коридора, где он завершался большим окном, Марина остановилась у последней двери и, открыв её,пустила Политова внутрь. Он вошёл в большое и светлое помещение. Оно полностью совпадало по духу с коридором: тут тоже всё было отделано дорогим деревом, декор и обстановка были такими же массивными, тяжёлыми и помпезными. В одном углу стояли украшенные объёмной резьбой шкафы, в которых за толстыми стёклами хранились пухлые разноцветные папки с подписанными корешками. Напротив них помещался тяжёлый диван и пара глубоких кресел, обтянутых натуральной кожей, из этого же гарнитура. У окна, за широким массивным столом перед огромным монитором сидела сухощавая женщина. На вид ей было около пятидесяти лет. Волосы были окра-

шены в рыжий цвет, черты лица резкие. Особенно выделялся длинный заострённый нос, на котором сидели поблёскивающие продолговатые очки.

– Инесса Карловна, вот и он – наш новый сотрудник, – сообщила Марина, закрывая за собой дверь.

Женщина за столом колко посмотрела поверх очков на Политова и отвернулась обратно к монитору.

– Знакомься, это наш секретарь – Инесса Карловна! – Марина указала на женщину за столом и добавила характеристику: – С виду строгая женщина, но ровно настолько, насколько добрая внутри, правда, Инесса Карловна?

Женщина так же колко, как только секунды назад на Политова, посмотрела на Марину и громким голосом отчётливо проговорила:

– Будь серьёзней, Марина.

– Хорошо, Инесса Карловна, – небрежно ответила Марина и, обратившись уже к Политову, предложила: – Иван, давай пока я напою тебя кофе? Пойдём.

Только тут Политов заметил, что в приёмной имеется ещё два хода. Первый он приметил почти сейчас же и сообразил, что это вход в кабинет его будущего начальника, а вот второй располагался напротив первого и был заслонён шкафом. Дверь оказалась открытой. Они прошли в этот кабинет, который оказался вдвое меньше приёмной. Там находилось два простых широких стола с компьютерными мониторами, обычный дешёвый шкаф с полками, уставленными папками, и высокая узкая тумбочка, на которой теснились поднос с чашками и кофеварка странной конструкции, которую Политов доселе ещё никогда не видел. Все стены помещения были увешаны бумагами, приколотыми канцелярскими кнопками и заклеены разноцветными стикерами, а прямо посередине кабинета, напротив входа, в скромной деревянной раме висел портрет.

– Можешь сесть за стол, – указав на свободный от бумаг стол у окна, предложила Марина. – Сейчас сделаю кофе.

Она проделала какие-то манипуляции на кофеварке и через несколько минут перед Политовым уже стояла чашка с горячим ароматным напитком.

– А долго придётся ждать? – поинтересовался Политов и отпил кофе.

Марина тоже взяла себе чашку и села за другой стол.

– Сложно сказать что-то определённое. Может быть, час или два. А может быть, и совсем скоро. Всё бывает по-разному.

Марина улыбнулась.

– А часто у вас тут такое? – Политов показал куда-то в сторону выхода.

– Что именно? Не поняла.

– Часто у вас тут такая горячка? Та, что мы видели на этажах?

Марина рассмеялась.

– Горячка? Нет. Совсем нет. Даже ещё наоборот, – она указала на стену за своей спиной, на которой висел какой-то график. – Многие ещё из отпуска не вышли, поэтому сотрудников, сказать по правде, сейчас не так много. А вот, как ты назвал, горячка у нас случается ближе к зиме. К примеру, прошлой зимой у нас сложности действительно случились. Принимали поправки, вот тогда все на головах стояли. А сейчас совсем нет.

Политов задумался и вздохнул.

– Марина, а вы давно тут работаете? И как тут? Как начальник?

– Я служу тут не так давно. В ноябре будет только год. Кадры быстро меняются. Но зато народ у нас, по большей части, приходит простой. Отношение доброжелательное. Все милые и приятные люди. Про начальника ничего плохого сказать не могу, но врать не стану, чудачествости случаются, особенно если ему от его руководства попадает. Хотя, с другой стороны, в некотором смысле это даже норма, – она лукаво улыбнулась. – Тем более, если чин позво-

ляет. Вот предыдущий мой начальник, вот это был фрукт. Так, ни рыба ни мясо, а строил из себя настоящего прокурора.

Они замолчали. Было хорошо слышно, как в приёмной своими натруженными и быстрыми пальцами стучит по клавишам Инесса Павловна, да ещё как бесполезно бьётся в оконное стекло дождь. Политова охватывали два противоположных чувства. Первое свидетельствовало о том, что всё увиденное им тут сегодня, кажется, даже понравилось: и словоохотливая Марина, и строгий секретарь. Ко всему прочему при положительном решении о его назначении в должность Политов получал добротный уютный и тихий кабинет в соседстве с высоким руководством. Ивану Александровичу в некотором роде даже суeta на этажах пришлась по душе, потому что намного интереснее работать в организации с живыми, бойкими людьми, нежели попасть в сонное царство. Но со всеми этими плюсами появились и сомнения. Подписавшись тут на работу, ему придётся забыть свой размеренный, пусть даже, как может показаться, пустой и бесцельный распорядок жизни. Забыть свою привычку валяться в скомканной кровати до обеда и дремать или думать, рассматривая знакомый до каждой мелочи свой желтоватый потолок. Уже не будет тех беззаботных ночей, которые Иван Александрович любил проводить за монитором компьютера. Также уйдут навсегда в прошлое дневные телевизионные шоу для домохозяек, которые Политов каждый раз с интересом просматривал за чашкой горячего чая и от души посмеивался над номерами героев этого безобразного современного шапито.

Политов посмотрел на часы. Было половина первого. Он глубоко вздохнул.

– Марина, а где тут можно покурить?

Она обернулась.

– С этим у нас плохо, – ответила девушка. – Сам он курит, но только в кабинете. Иногда приглашает, по вечерам, когда все расходятся, поговорить. А вообще нужно выходить на лестницу.

– Ясно, – расстроился Политов.

В это мгновение раздался телефонный звонок, и Марина ловко сняла трубку с аппарата.

– Да, слушаю. Всё уже у вас на столе. Подготовила, – она прислушалась. – Конечно, Евгений Павлович. Да, да! Он уже тут, – она посмотрела на Политова. – Хорошо.

– Прибыл, – произнесла она, положив трубку. – Сейчас придёт.

Марина вышла из-за стола и, выглянув в приёмную, сказала:

– Инесса Карловна, Евгений Павлович звонил и сказал набрать Панарину и передать, что совещание на завтра необходимо перенести на три часа.

– Ну как я ему скажу! – возмутилась секретарь. – Всё уже разослано!

– Ничего не знаю, Инесса Карловна, – разведя руками и состроив смешную гримасу, ответила Марина.

Не успела девушка занять прежнее место, как в приёмной, судя по звуку, резко отворилась дверь, и слышались грубые мужские голоса. Дверь, по-видимому, распахнулась настолько стремительно, что Политову в эту минуту даже показалось, что в помещении поднялось атмосферное давление. Вслед за этим в проёме перед Иваном Александровичем возникли двое. Первый был низенький, щуплый, но шустрый мужчина со стреляющими маленькими глазками и небольшой лысиной на голове. Всё лицо его покрывала рыжая щетина, которая плавно переходила на голову, где смешивалась с короткими в цвет растительности на лице волосами, что превращало голову субъекта в круглый волосатый шарик с видимой плешью на затылке. Вторую же персону Иван Александрович поначалу принял не то за мужчину, не то за мужеподобную уборщицу. Она была много выше первого субъекта, носила мешковатую застиранную до белёсости чёрную футболку, штаны, походившие на те, что надевают в туристические походы, и потёртые разношенные кроссовки. Голова

персоны обладала густой вьющейся шевелюрой чёрного, смоляного цвета, а само тело горбилось и было сложено непропорционально до чрезвычайности.

– Политов?! – вопросом вдруг воскликнул мужчина, обращаясь к Ивану Александровичу, и махнул рукой, приглашая выходить. – А ну, пойдём-ка!

– Евгений Павлович, – вдруг забасила прокуренным голосом персона неизвестного пола, по всей видимости, продолжая разговор, который, очевидно, по лицу Жигина, ему уже успел наскучить. – Я вам врать не стану. Нам просто необходимо, понимаете, необходимо передать дела по Финляндии. Завтра Цветков уволится, и мы сорвём переговоры по бумаге. Мы уже не можем найти протокол предыдущей встречи, а завтра...

Персона хотела добавить что-то ещё, но Жигин перебил её и как можно более властно, хотя в связи с разницей в росте это выглядело скорее комично, заявил:

– Ирина Викторовна, Ирина Викторовна! Успокойся, не заводишься! Видишь, кто у меня? – он указал на Политова, который уже встал и был готов следовать за чиновником, но видя, что сцена ещё не закончилась, стоял в нерешительности. – Человек! При этом ты знаешь мою политику в отношении замов. У вас есть свой директор, с ним и говори.

– Он ничего не решит, – отмахнулась персона неизвестного пола и, посмотрев на Политова, спросила, хамовато кивнув в его сторону головой: – А кто это?

– А это, возможно, мой будущий помощник, – ответил Жигин.

– А откуда? – осведомилась персона.

– Пока не знаю. Я бы и сам рад узнать, но ты мне вот не даёшь порасспросить. Ланц посоветовал.

– А-а, Ланц. Ну, Ланц тебе посоветует, – как товар, оглядывая Политова, пробурчала персона.

Иван Александрович остался сильно задетый таким отношением к себе: ему ничуть не понравилось слушать о себе в третьем лице, когда сам он присутствовал тут же, да ещё в манере явно пренебрежительной.

– Политов, пойдём! – вновь скомандовал Жигин и уже Ирине Викторовне повторил. – Ты мою политику знаешь, все вопросы – к своему руководству. Я в ваши дела лезть не собираюсь.

Втроём они вышли из кабинета в приёмную, там Ирина Викторовна ещё что-то буркнула про себя и резко развернувшись, быстро вышла в коридор, громко хлопнув дверью.

– Вот с кем приходится работать, – посетовал Жигин, указывая на дверь, но прибавил. – А ведь, в своём роде, хороший человек, профессионал. Ну-с, да ладно, идём-идём.

Он открыл дверь своего кабинета и, обернувшись, крикнул:

– Мариночка!

– Да, Евгений Павлович, – отозвалась девушка.

– Кофе нам, и пока не пускай никого. Всё что на подпись – собирай у себя. Мы ненадолго.

– Хорошо, Евгений Павлович!

Входя вслед за Жигиным в его кабинет, Политов ожидал увидеть нечто изысканное и даже грандиозное в его оформлении, в мебели, ощутить невероятную атмосферу рабочего места высокого чиновника, но всё оказалось намного прозаичней ожиданий. Кабинет заместителя министра представлял собой большое квадратное помещение с одним, но очень широким окном и с пушистым, но более свежим на вид, чем в коридоре, красным ковром. На ковре в самом центре стоял круглый стол, окружённый шестью стульями. Кроме него во всю противоположную стену растянулся длинный книжный шкаф, в котором покоились многотомные собрания книг в красивых переплётах, расставленные в художественном порядке. Часть помещения у стены напротив окна занимал кожаный диван и отдельно стоящий стул с кожаной обивкой. Боком к окну располагался стол владельца кабинета, к кото-

рому ещё был приставлен небольшой продолговатый столик для рабочих совещаний. Это было практически всё, что предстало глазам Политова. Разве только надо упомянуть ещё вырывающийся из ансамбля высокий стальной сейф, стоявший на полу у стола, большую карту России, висевшую за спинкой кресла владельца кабинета, и значительных размеров портрет над ней.

– Садитесь... Э... Как вас по батюшке? – уточнил Жигин.

– Иван Александрович.

– Садитесь, Иван Александрович, – предложил Жигин, указывая на один из стульев за столом для совещаний. Как только Политов сел, Жигин тоже юркнул за своё рабочее место.

– Иван Александрович, – начал чиновник. – Я не люблю долго ходить вокруг да около, а поэтому сразу спрошу – вы представляете, чем мы тут занимаемся? В чём будет заключаться ваша работа?

Политов промолчал, потому как ничего не мог сказать на такой неправильный и не имеющий ясного ответа вопрос, а Жигин продолжил:

– То, что Ланц дал прекрасные за вас рекомендации – это без сомнения большой плюс. Но заступая на ту ответственную должность, которая может вам достаться, мне бы всё-таки хотелось уточнить ряд важных вопросов. В конце концов, нам двоим придётся проводить массу времени вместе и чувствовать друг друга, можно сказать, на расстоянии.

Всё это Жигин проговорил с некоторой излишней торжественностью, словно сообщал Политову о том, что тот находится в одном шаге от выигрыша главного приза в лотерею, но при этом сам ещё не понимает своего счастья. Правда, окончив, Жигин вдруг замолчал и в ожидании чего-то тупо уставился на своего гостя.

Так, смотря друг на друга, они молча просидели с минуту, пока пауза не стала затягиваться, что называется, до неприличия, и тогда Жигин громко хлопнул ладонью по столу и сказал:

– Хорошо. Вы видимо не из разговорчивых. Это, в некотором роде, тоже плюс. Однако всё же хотелось бы понять, что вы знаете о предстоящей вам работе? Чем, по-вашему, вы будете заниматься в должности?

– Видимо, бумагами, – предположил Политов.

– Совершенно верно, Иван Александрович! – радостно воскликнул чиновник. – Вы будете заниматься бумагами. И при этом, хочу вам заметить, – как в прямом смысле этого слова, так и в переносном. Вы знакомы с делопроизводством?

– Да, – ответил Политов. – Я служил в Московском департаменте, а ещё раньше я работал в одной юридической конторе.

– Тоже в Москве? – осведомился Жигин.

– Да.

– Так, так. Хорошо. А что вы знаете о бумаге в целом?

Политов не понял вопроса и только приподнял брови и скривил рот.

– Нет, я почему вас спрашиваю, – продолжил чиновник. – Нам требуются многогранные специалисты, разбирающиеся во всём: от производства до обыкновенной бюрократии.

– С производством я, к сожалению, не знаком, – сообщил Политов.

– Да, да, это печально, – заключил Жигин, а потом снисходительно, даже фамильярно заговорил. – Буду с вами откровенным: вот приди вы ко мне вот так, скажем, с улицы или же от какого другого человека, я бы, конечно, указал вам на дверь. Даже можете не сомневаться.

Он усмехнулся.

– Но так как вы пришли от Андрея Ланца, который является крупной фигурой, без которой нам бы пришлось весьма тяжело, я, конечно, вас приму на службу.

Политову стало противно.

– А вообще, Иван Александрович, мне бы в будущем, конечно, хотелось бы видеть в вас больше рвения, если так можно выразиться, – Жигин опёрся на стол и мечтательно заговорил. – Вы же понимаете, Иван Александрович, что сегодняшняя наша жизнь, она такая... – он поводит рукой по воздуху. – Она требует от нас решений. Решений и ответственности, которую кому-то следует на себя взять. Вы понимаете, о чём я говорю?

Политов понимал, но, кажется, не совсем так, как хотелось бы Жигину.

– Сегодня никто ничего никому просто так не даёт. Никто никому, – повторил он. – И если не будет старания, то и результата никакого ждать не приходится. Вот взгляните на меня: с виду обычный человек, ростом не вышел, хе-хе, лысоват, хе-хе, а кто я? А я, знаете ли, уважаемый человек. А почему? А потому что я всего добился старанием и трудами, которые я жду от каждого своего сотрудника. От каждого! И мне бы хотелось, чтобы каждый сотрудник, работающий под моим началом, понимал, что это – как серьёзная ответственность, так и высокое доверие, которое я ему оказываю. А в моем лице и всё государство. Да, вот, дорогой Иван Александрович.

Политов смотрел на чиновника своим странным взглядом и начинал испытывать глубокую неприязнь к этому рыжему чванливому субъекту. Жигин же, словно напротив, глядел с каким-то любопытством или даже с вызовом.

– Так сколько вы говорите проработали в департаменте? – осведомился Жигин.

– Я не говорил. Два года, – холодно ответил Политов.

– А рекомендации вы сможете взять у тамошнего руководства?

Но ответить на этот вопрос Политову не пришлось, ибо раздался телефонный звонок, и Жигин взял трубку. До Политова стали доноситься отрывки разговора.

– Да, Жигин. Нет. Нет, Виктор Аркадьевич. Нет, нет. А что он говорит? И в чём же разница? Я, например, не вижу никакой разницы. Тогда пусть за всё это и отвечает. Нет, я даже смотреть не стану. Потому что тогда это не моё дело! Так я ещё в глаза не видел, я только прибыл. Хорошо. Ознакомлюсь, перезвоню.

Жигин положил трубку.

– Да, вот, Иван Александрович, такие дела, – задумчиво произнёс он. Очевидно, он уже забыл о своём вопросе, и Политов стал ему неинтересен и даже обременителен.

– Так, хорошо, – встрепенулся он. – Сегодня у нас вторник? Значит, в пятницу... Нет, постойте, лучше завтра вы приносите все необходимые документы. У Марины есть список, она вам его передаст. И оформляйтесь. Для начала будете отвечать только за почту. Людей у нас мало, а работы много. По ходу вы втянитесь и будете ловить всё на лету.

Жигин поднялся, а за ним и Политов, который остался совершенно недовольным ни таким знакомством с надутым будущим своим патроном, ни таким странным собеседованием.

– Сейчас я передам вас Марине, – быстро заговорил Жигин, первым выходя в приёмную. – Марина, закажи на завтра Ивану Александровичу пропуск.

Девушка в это время выходила из своего кабинета и несла поднос, на котором стояли две чашки горячего кофе.

– Нет, кофе уже не надо, – озабоченно посмотрев на поднос, часто замахал рукой Жигин. – Сегодня проводи Ивана Александровича, отметь пропуск, а завтра твоя задача его оформить и ввести в курс дела.

С этими словами Жигин развернулся и скрылся за дверьми своего кабинета.

– Быстро вы, – удивилась Марина. – О чём вы там говорили? Окончательно приняли?

– По-видимому, да, – ответил Политов, почувствовав себя раздражённым.

В это время Инесса Карловна оторвала свой взгляд от монитора, снова зорко исследовала новичка, и, ничего не сказав, отвернулась обратно.

Глава 3. Золотое перо

Ничто не меняет человека так странно и быстро, как государственный чин? ему вдруг присвоенный, и люди рядом, таким же чином, по несчастью, уже обладающие. Казалось бы, вчера это был обыкновенный ещё и, быть может, даже полезный член общества – гражданин, обыватель. Ещё лучше – врач, учитель, инженер. А ещё лучше – равнодушный индивид, обеспокоенный до глубины души всеми первостепенными вопросами и заботами, которые сотрясают наш бранный мир, как то глобальное потепление или вымирание степной дыбки. И вот такому пылкому и высокому в помыслах человеку уже сегодня, скажем, в среду, присваивают классный чин. Да вот. И пускай поначалу это чин самый простой – мелкий среди прочих и младший среди мелких, но он – чин. Затем вокруг этого чина возникают другие чины. Некоторые из них повыше, другие – пониже. Которые повыше, их всегда больше. Зато те, которые пониже, намного терпимее, и из-за них иногда даже проглядывают, как блекнувшие в сумерках тени, люди, когда-то характеризующие теми самыми полезными членами общества, врачами, учителями и инженерами. И вот тогда начинается новая жизнь. Она не становится лучше. Нет! Но и хуже навряд ли. Она становится другой. А день присвоения чина навсегда поделит на две части ту ось времени, по которой движется каждый человек, начиная от своего рождения и заканчивая смертью.

Но чиновник беден. Да! Чиновник очень беден. Чиновник невероятно беден и несчастен, наверное, наравне с представителями тех слоёв общества, как правило, именуемых повсюду низшими. У чиновника, у настоящего чиновника – ничего нет. У него нет денег, нет статуса и определённой профессии у него тоже нет. У большинства из них нет и не может быть увлечений, вкусов, пристрастий. Чиновники, в общей своей массе, – это некая живая, мощная, монолитная, но безликая серая организация, вплетаясь в которую человек начисто лишает себя всего личного, жертвуя собой во благо общества, приобретая взамен лишь одно – чин.

Однако чин – это не всегда только легкомысленность и фантазия. За ним всегда стоят инструкции, должность, власть, обязанности, ответственность. Есть, правда, ещё и кое-какой профит, но всё это настолько мелко, настолько незначительно, что и упоминать совестно. Да и не в этом смысл. Не это главное. Главным остаётся всё равно лишь одно – чин. Не будь его, не нужны бы были эти инструкции, должности, власть, обязанности, ответственность. И профит никому не был бы нужен. Это лишь только так, только для общего обозначения. Чтобы не быть чину сырым и голым. Чтобы был вокруг него хоть какой-нибудь житейский смысл.

Сам чин – есть объект гордости и поклонения чиновника. Особенно тогда, когда у него всё прочее забрали. А иначе и быть не может! Отними у человека всё! Всё, всё – до последней копейки, до последней чёрточки оригинальности и самобытности, до последней капли характера и души, и оставь ему что-то одно взамен. Допустим, даже мизерное, то, что он бы даже лежащее на дороге не поднял бы, и он непременно станет форсировать этим, хоть и понимая всю ничтожность этой подмены. Человеку обязательно надо чем-то гордиться, а чиновник всё-таки да человек!

И вот с той самой минуты, когда в недавнем прошлом ещё самодостаточный индивид, а теперь уже чиновник начинает гордиться своим чином – единственным, что у него есть, или что у него осталось – тогда и происходят в нём всякого рода изменения личности и нарушения поведения. В конечном счёте, человек полностью сливается, выравнивается, вращается в огромный организм государственного аппарата, где местоимение «я» подразумевает уже не конкретного субъекта, не его мнение и мысль, а обязательно выражение всеобщего «мы». Мы – государственного масштаба. Мы – того масштаба, где чиновник, пусть даже мелкий,

а сознает, что он уже не один, что ему уже никогда не быть одному, как раньше, и что теперь он отвечает не только и не столько за себя, а за многих: за таких, как он; за других, над кем имеет власть, хоть и самую малую; за тех, кто выше его, и кто грозно взирает свысока; за всё общество, в конце концов. И сладость этого миража общности, фантастичность происходящего (а то, что всё это происходит на самом деле – сомневаться не приходится), кому угодно может вскружить голову.

Определение себя как части чего-то колоссального, безграничного, многоликого может сломить почти всякую индивидуальность. И нет тут никакой гордости или честолюбия, а скорее, напротив. Нет тут также осознания своей слабости или бесполезности в отдельности и силы и ценности в единстве с прочими. Тут лишь одно самопожертвование. Жертва большая, глубокая. Самоотречение совершенное и почти что безвозвратное.

Вот что-то такое подобное случилось и в характере Политова, когда он поступил на службу в Минкомпресс. И если речь шла пока ещё не о самоотречении, то об органичном слиянии с тем самым госаппаратом говорить было можно.

С самого первого дня посещения министерства прошёл только месяц, а Иван Александрович, как ни странно, уже успел освоиться, прижиться и даже некоторым образом осесть в серых стенах одного из органов исполнительной власти. Новая жизнь для него началась как-то вдруг сразу и тут же принялась обдавать его почти забытым, особенно на фоне недавнего прошлого, спокойным и безликим дыханием общечеловеческой повседневности.

Сидя в светлом кабинете и смотря в дождливое окно, Политов даже как-то временами удивлялся самому себе прошлому и невольно чуть-чуть корил себя за те бесцельные шесть месяцев, которые он провёл запертым в своей квартире.

Теперь же он как-то вдруг взбодрился, скинул лень, почувствовал обыкновенный интерес к жизни. Он ощутил себя той самой частичкой единого целого и большого, что называется организацией. Структурой, в которую вовлечены множества людей-чиновников, таких же, как и он, которые служат и трудятся на благо общих достижений. Конечно, нельзя было сказать, что Политов совсем отказался от своих прежних идей и убеждений, которые он с таким жаром и гордостью отстаивал перед Ланцем в «Вероне», – из одного упрямства Иван Александрович не захотел бы от них отказываться, – но что-то такое в его душе случилось. Несколько притупились тот нерв и та обида, что каждодневно раздражали его во всём, что он видел. Какая-то мягкая бесполезная занятость обволокла его всего, вынуждая бессознательно подчиняться, и в то же время не давая возникнуть в его голове ничему новому. Это ощущение нравилось Политову, и он, словно после долгой горячки, словно после какого-то жестокого приступа, заставлявшего его метаться по квартире в беспамятстве, получал наслаждение от этого мягкого опьянения.

Ему теперь не казалось всё вокруг таким пустым, как раньше. Или уж, по крайней мере, не таким пустым. Он с любопытством рассматривал своё окружение, следил за действиями вокруг него разворачивающимися и с удивлением открывал, что всё это имеет определённый смысл и значение. И что в этом тоже есть какая-то своя, особенная жизнь.

Даже в простых бумагах, которые по воле современных кабинетных алхимиков из простой целлюлозы превращаются в документ путём нанесения принтерной тайнописи, Политов тоже угадывал частичку той самой, какой-то новой, особенной осмысленности и жизни.

А ещё на каждом документе имелась своя печать или свой знак, какой-нибудь символ, может быть, росчерк пера или же множества перьев. И каждая цифра, каждая буква в документе обязательно стояла на своём месте, и каждая загогулина над или под текстом хотела казаться важной и, кажется, таковой и была, и имела если не космический, то непременно какой-то сакральный, неведомый смысл. Наверняка смысл той самой, какой-то особенной жизни.

А что делалось в кабинетах министерства! Каких драм и трудов навидались они! Там, отгородившись от любознательных посторонних толстыми стенами и тяжёлыми дверьми, в угрюмой и неприветливой обстановке разрабатывались и совершенствовались грандиозные планы по улучшению общей жизни не только простых смертных, но, быть может, и всего Мира в общем. И никто не смел покинуть свой рабочий пост из этих властных, но в то же время отдававшихся почти бескорыстному служению обществу людей. Совещания, коллегии, рабочие группы, мозговые штурмы, не утихая, гремели, ежедневно сотрясая нутро величавого учреждения.

В пространстве этого здания даже простой телефонный звонок не мог являться пустым звуком. Звонкая трель аппарата, которая, возможно, показалась бы в любом другом месте пустой и будничной, тут обладает глубоким символизмом и вмещает в себя скрытый древний смысл того, что жизнь общечеловеческая бушует и клокочет, как нескончаемая горная река, срывающаяся с поднебесного утёса и уносящая с собой всё живое.

Так или почти что так романтично мог думать Политов о своём новом месте службы, глядя на большую стопку писем, лежащую перед ним, и всё больше забывая себя прежнего.

Однако такое успокоение Политов переживал недолго.

Вернуться же к первичному своему настроению ему помогли события, которые коренным образом и окончательно изменили его судьбу и которые также сумели определить участь множества совершенно посторонних для него людей. Как это и имеет обычно место быть, всё началось тогда, когда Иван Александрович совсем не ожидал никаких потрясений ни в рабочем дне, ни уж тем более в своей вдруг ставшей ему понятной и прямой жизни.

Как Жигин и говорил вначале, Политову, на первое время, было поручено разбирать почту. Занятие это было несложное, но в связи с огромным оборотом исходящей и входящей корреспонденции, это дело иногда превращалось в заунывный и рутинный труд, растягиваемый на весь бюрократический день.

Кроме того, что Иван Александрович должен был серьёзно и долго, по неопытности, разбираться с каждым письмом в отдельности и ставить временную визу, после одобрения которой документ уходил ниже по инстанции, ещё Политов совершал массу мелкой, но важной работы. Например, это был ввод данных в общую базу, расстановка внутренних номеров, хождение в экспедицию, сбор виз на проектах приказов и писем, заклеивание конвертов, внесение в специальную форму данных обо всех адресатах и адресантах, с которыми был контакт у Минкомпресса, и ещё много и много всего, что не поддаётся даже описанию. А звонки? Телефонные звонки, которые совершал Политов в разные конторы и учреждения по приказанию Жигина с последующим докладом о полученной там информации, – разве их можно было счесть за что-то существенное? Конечно же, нет, а, однако ж, и это было, и было не единожды. Благо, что Марина, которая стала приятной соседкой Политова по кабинету, часто выручала добрым советом и по силам помогала в тех авральных ситуациях, когда из высокого кабинета задание приходило с нервной пометкой «немедленно!». Правда, случалось и так, что в сложный момент Марины рядом не находилось. Она часто уезжала вместе с Жигиным на совещания, коллегии и другие мероприятия подобного сорта, где заместителю министра без своего верного помощника делать было так же нечего, как покупателю в магазине, который не имеет в кармане ни единого рубля. А распоряжения от начальства всё равно шли даже тогда, когда оно отсутствовало на своём месте. В такие моменты, как человек обязательный по своей натуре, Политов начинал нервничать, и руки его становились влажными. Но, как правило, благодаря своей врождённой сообразительности и опыту, полученному на поприще предыдущей службы, Иван Александрович выполнял задание превосходно, хоть и с некоторой задержкой.

Вообще после месяца работы в министерстве о Политове стали отзываться достаточно хорошо практически все, с кем он по воле служебных обязанностей сумел пересечься. Это

были и секретари директоров департаментов, которые отмечали его учтивость и деловитость, и делопроизводители, видевшие в нем большой потенциал бюрократа, и даже сторонние люди, не из учреждения, с которыми так или иначе приходилось работать Ивану Александровичу. Даже строгая Инесса Карловна сменила свой колючий взгляд на какой-то любопытствующий.

Сам же Политов держался ото всех отстранёно, подчеркнуто равнодушно, если не сказать вовсе – холодно. Однако при этом старался показывать доброжелательность. Такое несколько иезуитское поведение он придумал для себя ещё давно. Он заметил, что это помогает расположить к себе людей так, чтобы получить всё от них необходимое, но самому ещё не переступить ту черту, после которой и сам Политов может оказаться им чем-то обязан. Он иногда даже дивился, как отзывчивы и просты, в своей сути, могут быть люди. Казалось бы, ничего ты им ещё не сделал, ничего не обещал, а только попросил по-доброму, а они уже готовы тебе во всём помогать и сопутствовать. Такую же тактику Иван Александрович избрал и в отношениях со своим непосредственным начальником – Жигиным. Он старался сходить с ним исключительно только в делах и ни в коем случае не показывать никакой подобострастности, впрочем, и являясь его подчинённым. Однако в неформальном общении, которое всё-таки нередко случалось по инициативе Жигина, ему приходилось соглашаться и некоторым образом потакать слабостям этого чванливого чиновника.

Тут надо отметить, что Политов сразу невзлюбил этого рыжего лысоватого субъекта. Где-то в глубине души он был уверен, что Жигин не сильно бы отличался от того дворника, который по утрам метёт в его дворе опадающие листья, если бы первый из них сменил бы свой дорогой костюм на оранжевую жилетку с надписью эксплуатационной компании на спине и взял в руки метлу. Не видел Иван Александрович в своём начальнике какую-то аристократичную искорку, лоск, властность, которые, как он представлял, должны присутствовать у государственных служащих подобного ранга. Поэтому и относился к нему с некоторой брезгливостью и даже снисходительностью. А между тем вначале этот жалкий человек зорко следил за всеми действиями своего нового подчинённого и давал ему уйму советов, которые, как правило, были бесполезны, ибо располагались далеко от действительной сути вещей. Но спустя уже первую неделю Жигин словно бы враз позабыл, что Иван Александрович является новичком, и что работает он тут совсем недавно, а поэтому начал требовать с него, как и с прочих. Но всё же одно из наставлений, которые выдал Жигин своему подчинённому, Политов твёрдо усвоил. Сперва оно показалось ему очень странным и нелепым, но потом, как выяснилось, всё было много серьёзнее, чем на первый взгляд.

– Иван, – как-то раз зайдя в утренние часы в кабинет помощников, обратился к Политову Жигин. Это произошло в самые первые дни министерской карьеры Ивана Александровича. – Я вот что забыл тебе сказать, – задумчиво продолжил он.

Политов оторвал взгляд от монитора и внимательно посмотрел на начальника. Он хотел отложить в сторону бумаги, которыми занимался в ту минуту и которых уже с утра сумело скопиться приличное количество, но Жигин его остановил.

– Нет, нет. Не отвлекайся! – Жигин хотел показать всю неформальность предстоящего разговора, для чего подошёл к столу молодого сотрудника и, склонив голову на бок, начал рассеяно рассматривать одно из развёрнутых на нём писем. – А, это в международный департамент, – проведя пальцем по документу, сказал чиновник.

Политов кивнул.

– Так вот, – вновь начал Жигин. – Ты, Иван, конечно, заметил, что некоторые письма приходят ко мне лично, через экспедицию.

– Признаться честно, мне такие ещё не попадались.

– Это поначалу, но такие обязательно будут. Так ты их не вскрываешь? Верно?

Политов пожал плечами, так как не понял вопроса, потому что инструкции по поводу получения личной корреспонденции Жигина тот ему уже давал, да и Марина тоже сообщала Политову о порядке приёма такого рода почты.

– Ты всё правильно делаешь, – вздохнув, отметил чиновник. – Но я насчёт другого: тут мне может одно письмоцо залететь.

Жигин сделал паузу.

– Ты его наверняка сразу узнаешь, – продолжил Жигин. – Оно будет адресовано мне и с виду ничем от других отличаться не будет, но вот штемпель на конверте будет особым.

– Каким он будет?

– Если бы я знал, – пространно ответил Жигин, в то время когда в глазах его была заметна некоторая тревога. – Но ты зря не волнуйся, – скорее успокаивая себя, нежели Политова, добавил Жигин. – Это письмо, скорее всего, не придёт, но проинструктировать я тебя был обязан. Если такой конверт тебе встретится, то не вскрывай его и, пожалуйста, обязательно сообщи мне. Неважно где я буду и когда это случится. Но два главных правила – не вскрывать и сообщить немедленно мне. Ты меня понял?

– Хорошо, Евгений Павлович! – согласился Политов, а про себя подумал: «Как они тут любят добавлять ко всему, и по поводу и без повода, слово «немедленно».

– Очень хорошо, – словно скинув груз ответственности, сказал Жигин и, уже обратившись к Марине спросил: – На подпись сегодня много?

– Не очень, – ответила девушка, выглянув из-за монитора.

– Всё равно, через десять минут жду у себя с папкой.

С этими словами Жигин развернулся и медленно, что-то насвистывая, пошёл из кабинета.

– Это он о чём? – повернув голову в сторону своей соседки, спросил Политов, когда Жигин скрылся за дверью.

Марина ответила не сразу и только пожалала плечами.

– И всё-таки? – настаивал Политов.

Марина отложила свои бумаги и вместе с креслом развернулась к коллеге.

– Чепуха, – а потом почти даже шёпотом начала щебетать. – Он про это письмо ещё до меня говорил. Ещё даже на другом месте службы, пока сюда не перешёл. Говорил каждому секретарю, каждому помощнику, словом, все знают о нём, но никто никогда не представлял и, конечно, не видел, что это за послание. И, кажется, его прихода он даже боится.

Девушка помолчала, а потом уже будничным голосом продолжила:

– Вообще, если честно, мы думаем, что это у него просто нечто вроде своих странностей. А ведь, как правило, чем выше человек забирается по служебной лестнице, тем больше их он себе позволяет. Особенности такие. Они считают это оригинальностью. Правда, я так не считаю. Да и все кругом тихо посмеиваются над этим. Мы даже как-то ставки делали, что это может быть за письмо. Я же считаю, что вполне возможно это письмо может быть от давней его знакомой. Нечто вроде интрижки, понимаешь? Поэтому и ждёт он его именно на службе, а не дома и побаивается его. Всё же жена. Другие правда считают, что это как-то связано с его прошлым, которое может быть довольно тёмным, учитывая, как он легко и быстро устроил себе карьеру.

– И насколько быстро? – спросил Политов.

– Я всех деталей не знаю, но мне известно, что начинал он как мы, если не ниже – он был обыкновенным клерком. Незаметный, серый. Да даже сейчас он ничем особенным не выделяется. Ну а потом как вдруг начал расти! Сменил несколько учреждений и, в конечном счёте, как видишь, очутился здесь. И всё это, замечу, за два года.

Политов приподнял брови.

– А давно он тут?

– Многих уже пересидел. Теперь ты понимаешь, почему вокруг думают, что это письмо может быть связано как-то с его прошлыми делами.

– Но это маловероятно, – заметил Политов. – Если бы это было связано с чем-то для него по-настоящему неприятным, да ещё если бы это касалось его карьеры, то уже навряд ли он согласился бы получать такие письма на свой служебный адрес, да ещё и сообщать об этом всем подряд. Ведь если письмо придёт, то мы-то всё равно увидим, кто его адресант. Так зачем ему лишняя огласка?

Марина опять вздохнула.

– Может быть. Но всё равно – не обращай на это внимания. Мы же тут больше шутим, фантазируем, но всё это от безделья. Никто всерьёз не думает, что такое письмо есть, и уж точно никто не верит, что оно когда-нибудь придёт. Это лишь его оригинальность. Уже хорошо, что она довольно безобидная. А то был тут у нас один начальник, большой охотник до хороших чернил. Видимо, поэтому и попал в профильное ведомство, – Марина хихикнула. – Так вот, любил он свои резолюции и подписи ставить правильными, на его взгляд, чернилами. Поэтому стержни от его золотой ручки были всегда определённой марки и довольно редкие. И случилось так, что чернила кончились. Так он в срочном порядке отправил своего секретаря на служебной машине на другой конец города, но с какой помпой. Чуть ли не с эскортом, чтобы быстрее привезли. Вот это действительно оригинал так оригинал и совсем уже не безобидный.

Марина помолчала, а потом добавила ещё:

– У этого, правда, тоже перо что надо. Не обращал внимания?

– Нет.

– Приглядишься как-нибудь. Очень любопытная ручка. Золотая, пузатая. По виду очень дорогая. Старинная. Правда, он ею ничего не подписывает. Я, по крайней мере, этого не замечала, а вот в руках держит часто. Крутит её в пальцах, сжимает и вообще с ней не расстаётся. Если моя теория об интриге верна, – Марина улыбнулась, – то мне кажется, что это может быть какой-нибудь её прощальный подарок, поэтому он с этим пером всё время и возится. А ещё у него есть такая привычка...

Но девушка не успела договорить, потому что раздалась трель телефонного вызова. Она подняла трубку.

– Да, Евгений Павлович. Уже несу.

Марина встала и, взяв подмышку зелёную папку с документами, вышла из кабинета.

Политов посмотрел вслед уходящей тонкой фигурке и на миг задумался, но потом как бы очнулся и принялся за работу.

Когда первый месяц Политова в Минкомпрессе подходил к концу, случилось как раз то, во что до этого никто всерьёз не верил, и все считали это фантазиями замминистра Жигина. Пришло то самое письмо. В самый обычный дождливый день, когда помощник высокопоставленного чиновника по имени Иван Политов расположился у себя за столом и начал разбирать принесённую им из экспедиции свежую почту, из высокой стопки выпал продолговатый конверт. Он действительно с виду был совершенно обыкновенным и непримечательным. На нём ровным красивым почерком, чёрными чернилами было написано:

*Заместителю министра Е. П. Жигину. Министерство коммуникаций и прессы.
Москва. Россия.*

И всё. Обратный адрес отсутствовал, что несколько расстроило любопытство Политова, но зато, как и было сказано, в правом верхнем углу конверта, где должны были быть приклеены почтовые марки, стоял необычайный круглый чёрный штамп с изображением

светящегося месяца, из которого выходил человек в саване. Одну руку он поднял, указывая двумя перстами вверх, а во второй руке держал песочные часы. Штемпель был настолько сочным и ярко выделялся на белоснежном конверте, что Иван Александрович, ещё не разглядев письмо как следует, без колебаний признал в нём *то самое*.

Политов взял конверт и внимательно осмотрел его. Он был из хорошей, плотной бумаги, с приятными шероховатостями по краям и видимой текстурой. На ощупь он казался совсем пустым, потому что был лёгким и тонким. Политов поднял его над головой и посмотрел на свет. Бумага оказалась непроницаема, и, к своему большому сожалению, он ничего разглядеть не сумел.

Марина, что сидела в это время рядом за соседним столом, заметила замешательство своего коллеги и вопросительно поглядела на него. Политов молча передал ей конверт.

Сказать, что пришедшее письмо сильно потрясло Жигина, в полном смысле этого слова, было бы нельзя: с виду и в целом он воспринял приход долгожданного послания довольно прохладно. Однако же сказать, что после этого знаменательного и зловещего события подчинённые Жигина и вовсе не увидели никаких изменений в поведении своего патрона, было бы, по меньшей мере, заблуждением, а по большей мере – преднамеренным лукавством.

Узнав о письме, Жигин в очень скором времени уже стоял в кабинете своих помощников и бегло разглядывал послание, выхваченное из протянутой руки Политова. Осмотрев письмо вполне, он как-то странно горлом вымолвил «спасибо» и второпях скрылся в недрах своего кабинета. Чем занимался замминистр в течение оставшегося рабочего времени, и что потом происходило на его служебном месте, доподлинно никому известно не было, ибо свой кабинет в тот день чиновник уже не покидал. Кроме того, он отдал распоряжение, чтобы и к нему больше никто не ходил и чтобы никого не допускали, а всем звонившим, невзирая на чины и имена, отвечали, что его на месте нет и сегодня, очевидно, уже не будет. Но это то, что произошло на глазах у всех. А вот то, что случилось тем же днём, но позднее, стало известно не сразу, а только после тщательного допроса уборщицы.

Вечером, когда все служащие разошлись по домам, оставив свои кабинеты пустыми для наведения в них чистоты и порядка, уборщица, по обыкновению своему, в самую последнюю очередь, зная привычку Жигина задерживаться самому и задерживать подчинённых ещё на час-два после завершения рабочего дня, направилась к нему в приёмную. Каково же было её удивление, когда, как она показала, в десятом часу вечера в дверях высокого кабинета увидела самого его владельца – Жигина. Но то, что он появился там в этот поздний час, быть может, и не ввело бы в замешательство бедную женщину, потому как тут вроде бы ничего странного или фантастического не имелось, но вот то, как он там появился, очень сильно поразило её и хорошо запечатлелось в её памяти.

Она рассказала, что в тот момент он был невероятно бледен, шатался, но пьяным, вероятно, не был, потому что довольно ясным и отчётливым голосом произнёс что-то по поводу ковра и пыли в своём кабинете, а потом, покачиваясь и даже временами опираясь на стену, направился к выходу. Ещё уборщица утверждала, что глаза у Жигина были широко раскрыты и даже выпучены, словно бы он только минуту назад сделал первый глоток воздуха после долгого его отсутствия, при этом лицо Жигина попеременно кривилось то в натужную усмешку, то в плаксивую гримасу.

Правда, на следующее утро, как опять-таки заверяли впоследствии свидетели, главным из которых вдруг нечаянно стал сам Политов, в стенах организации Жигин объявился совершенно бодрым и весёлым. Видимо, он всеми силами старался дать понять окружающим, на тот случай если они уже были оповещены о его странном и позднем вчерашнем уходе, что, собственно, ничего ужасного и из ряда вон выходящего не случилось, а всё осталось по-прежнему и предмета для беспокойства нет.

Наверно, у него это, быть может, и неплохо бы получилось, если бы только не неизвестно откуда взявшиеся у него под глазами тёмные припухлости и какая-то рассеянность и задумчивость в поведении, которых Политов за месяц своей службы в должности ещё никогда не подмечал у своего патрона.

А между тем наступил второй день после получения странного письма, а потом и третий, и всё, казалось, действительно входило в привычное русло, и ничего не могло предвещать катастрофы, как она всё же разразилась. Политов хорошо запомнил все обстоятельства того утра.

Надо сказать, что время для обеда в министерстве никогда не поддавалась нормированию, и это невзирая на то, какие бы новые порядки и какое бы новое руководство не обустроивалось в стенах данного учреждения. Обед тут всегда начинался в те часы, когда у служащих выдавалась свободная минутка, а свойство заканчиваться он имел только тогда, когда начальство требовало своего подчинённого назад, по надобности. Исходя из этого простого правила, можно было с почти абсолютной вероятностью утверждать, что если посреди рабочего дня человек находился не на служебном месте, то он обязательно находился в столовой, и наоборот – если нужного человека в столовой в наличии не имелось, то он определённо точно уже был вытребован обратно руководством по своим служебным обязанностям. Конечно, всё это несколько расшатывало дисциплину в организации, потому что иногда даже в самый разгар рабочего дня со своих мест в сторону столовой могли сниматься целые отделы, и даже по второму или по третьему разу за день, но, видимо, чиновничья братия имела в себе именно такую природу, при которой среди всех других возможных вольностей, которые она всё же могла себе позволить, как то: уходить вовремя домой или же пользоваться качеством запаздывать на службу с утра, выбирало именно эту – свободный график по приёму пищи.

То было утро четверга. Оно было сумрачным и хмурым, собственно, как большинство дней случившейся тогда осени. Улучив свободную минутку, когда начальника ещё не было на месте, Инесса Карловна заглянула в кабинет помощников и таинственно рукою поманила к себе Марину. Девушка вышла, но через минуту вернулась, взяла кошелёк и, подмигнув Политову, сообщила, что намеревается отправиться как раз в столовую, чтобы поспеть ко свежему кофе с булочками.

Политов уже привык, что секретарь и помощница, несмотря на ощутимую разницу между ними в возрасте, неплохо сходились между собой и часто вместе обедали, однако в этот раз ему их идея не понравилась, потому что именно сейчас он думал выйти покурить. Теперь же в такой ситуации ему полагалось оставаться на месте неотлучно, на тот случай, если появится Жигин, и тому что-либо потребуется.

Политов сперва сделал кислое лицо, но потом всё же махнул рукой, давая понять, что выбирать ему не приходится, и Марина, улыбнувшись, вышла, оставив Ивана Александровича в одиночестве. Он вновь принялся за работу с письмами, пока в скором времени не заметил из-за экрана своего монитора, как в приёмную тихо вошёл Жигин. Он появился там так тихо и скромно, против своего обыкновения, что Политов как-то сразу насторожился. Простояв в приёмной с полминуты, словно на что-то решаясь, Жигин вдруг обернулся в сторону Политова и неловко покачал головой.

– А где Марина? – монотонным голосом спросил чиновник.

– Они ушли на кофе, – всматриваясь в патрона, сообщил Политов.

– Ясно, – ответил тот и, как-то лениво шаркая ногами, направился в свой кабинет.

Политов хорошо видел через приёмную, как за замминистром закрылась дверь в кабинет, а через несколько минут он вдруг услышал странный хлопок. Ивану Александровичу показалось, что он раздался в кабинете начальника, но не поверил в это. Дело в том, что когда он бывал у Жигина с документами, он успел заметить, что его рабочее помещение

полностью обеспечено звукоизоляцией. С этой же целью в проёме были даже установлены двойные толстые двери.

Политов поднялся со своего места и вышел в приёмную осмотреться. Ничего необычного, кажется, не было. Тогда он выглянул в коридор, но и там всё было безмятежно, и мягкое спокойствие лилось от каждой стены, от ковра, от тяжёлых дверей соседних кабинетов. Иван Александрович некоторое время ещё постоял в раздумье, а потом, вернувшись и набравшись некоторой храбрости, открыл первую дверь в кабинет начальства. Его сразу удивил тот факт, что вторая дверь, которая, как и первая, как правило, всегда была плотно закрыта, сейчас почему-то осталась не до конца притворённой, и через щель проскальзывала узкая полоска серого оконного света. Политов приоткрыл вторую дверь и со словами: «Евгений Павлович, всё в порядке?» – вошёл внутрь.

Дальше Ивану Александровичу почудилось, что пол под ним поплыл, стены повело в стороны, а потолок вдруг принялся сжиматься и клином уходить вверх. Политову даже пришлось сделать несколько неуверенных шагов вперёд на полусогнутых ногах, чтобы окончательно не потерять равновесие и не упасть на ускользающий из-под его ног пол.

За столом сидел Жигин. Но от Жигина прежнего в нём осталось совсем немного, разве только что дорогой серый костюм и щуплое нелепое тельце, на которое тот был надет. Голова же замминистра неестественно свисала на грудь. Его левая рука, как будто протянутая в отчаянном предложении, лежала на столе и в кулаке сжимала нечто продолговатое и золотистое, а правая безвольно опала и скрылась под столом. Но не эта необычайно затихшая поза своего начальника потрясла Ивана Александровича. Сильнее его сразило жирное багровое пятно, расплывшееся на стене за спиной чиновника и его затылок, вернее то место, где раньше был лысоватый затылок, а теперь открыто зияла взрыхлённая изнутри теменная кость черепа с рыжеватыми волосами на вывернутых лоскутах кожи и беловато-красными кусочками взорвавшегося мозга. Крови было очень много. Она стекала с головы на стол, на белую рубашку, впитывалась в мягкую ткань первоклассного костюма. Брызги её долетели до географической карты, окропили соседнюю стену, и даже на золотистых шторах появилось множество бурых пятеншек.

Политов замер, глядя на эту невероятную картину, и всё никак не мог овладеть собой. Кроме вида трупа его поразил и тот факт, что ещё совсем недавно, буквально несколько минут назад, это тело могло ходить, разговаривать и даже давать указания, которые Политов формально обязан был выполнять. А теперь вот оно сидит неподвижное и пустое и скорее напоминает собой некий органический мусор, нежели нечто сознательное, одухотворённое. Да, особенно вот эта последняя мысль, которая молнией пронеслась в голове Ивана Александровича, наверно, сильнее прочего его сейчас и потрясла. Ему вдруг сразу припомнились подходящие к таким случаям крайне банальные измышления о бренности жизни, о её хрупкости и конечности, и о той грани, которая тонким лезвием проходит между жизнью и смертью. О том, что венцом всякой жизни является смерть, и вся такая прочая пошлость, которую, как правило, произносят на поминках тех людей, которые мало что значили для самого оратора. Но Политов не остановился на этом как бы на само собой разумеющемся итоге мысли. Ему вспомнились и свои выводы на этот счёт. Особенно на тему того, что посвящать свою жизнь тому, чему посвятил её Жигин, а именно стремлению к власти или же материальным благам, является совершенно бессмысленным. И даже вредным. Ибо всё равно то, что сейчас их всех окружает – является фальшивым, надуманным, а вот труп Жигина – вполне себе очевиден и девственен по отношению к Миру и не требует каких-либо дополнительных доказательств или же заверений со стороны искусственных умозрительных надстроек, созданных человеком. Вот он есть, и больше ничего не надо. Смерть есть, труп есть, жизнь Политова есть, а вот первоклассного пиджака на теле Жигина уже нет. Да и высокого кабинета уже не существует, потому что самого хозяина нет, и, следовательно, и сам он потерял

всякую важность, а главным тут сейчас является сам Политов, который, может быть, ничем и не примечателен и даже, может быть, формально слабее Жигина, но зато он живой, а тот мёртвый. Вот она – вся правда, вот она – вся простота, а также истина и смысл всего сущего.

Пока Политов вот так стоял и размышлял, время бежало. И бежало стремительно. А он, застывший и словно замороженный, смотрел на мертвеца. Спустя лишь несколько минут он смог стряхнуть с себя ту странную задумчивость, которая нахлынула на него неизвестно откуда, и, наконец, пошевелиться. Когда это произошло, он воровато приблизился к трупу и брезгливо осмотрел его. Он взглянул в голову Жигина, будто это была препарированная лягушка на уроке биологии. Потом Политов обвёл взглядом кабинет. Всё вроде бы было как и прежде: и шкаф, и стол, и диван, и даже сейф закрыт. На столе по-прежнему имелся такой же идеальный порядок (а именно стол был всегда свободен от документов), как и раньше, только теперь перед мертвецом Иван Александрович приметил исписанный лист бумаги и пепельницу, в которой лежала недокурная сигарета и кучка бумажного пепла.

Политов хотел заглянуть в листок, но отказался от этой затеи, как от затеи его не достойной и даже унижительной. Скорее всего там было предсмертное послание близким и родственникам.

Разумеется, сейчас Политову несомненно следовало бы действовать иначе: сделать несколько звонков, сообщать о трагедии, оставаться на месте до прибытия специальных служб. И он собирался уже уходить и руководствоваться именно таким планом, как что-то его вдруг неожиданно задержало. Какое-то странное чувство, которое налетело на него тревожным ветерком. Словно, уходя, он как бы оставлял что-то важное здесь. Словно даже как будто он преступник, который оставляет за собой улики. Словно он что-то определённо упустил или забыл.

Политов остановился и прислушался к себе. Он хотел понять, что же хочет сообщить ему это неожиданное внутреннее ощущение. Он даже вернулся обратно, на то место, где совсем недавно стоял и глядел на труп. Он ещё раз осмотрел кабинет, стол, Жигина... И вот тут ему в глаза бросился тот самый продолговатый и золотистый предмет, что сжимал мертвец в левой руке.

Политов вновь осторожно приблизился к телу Жигина и наклонился так, чтобы не запачкаться кровью, а потом аккуратно вынул эту вещь из ещё не остывшей руки трупа.

Это была пузатая золотая перьевая ручка. Видимо та самая, о которой так случайно как-то упоминала Марина.

Политов взглянул на неё, но внимательно рассматривать не стал, потому что то чувство тревоги, которое так внезапно налетело на него ещё недавно, вдруг так же внезапно улетучилось, и, положив перо во внутренний карман пиджака, наш герой поспешил покинуть зловещий кабинет, где, всё так же замерев на своём рабочем месте, сидел мёртвый Жигин.

Глава 4. Следствие

Много разных удивительных историй гуляет по миру. Сюжеты некоторых из них хоть и правдоподобны, но, однако, – ложь и выдумка. Другие же, напротив, кажутся совсем уж невероятными, и всё-таки истинны и происходили на самом деле. А есть и такие истории, о которых нельзя сказать с уверенностью как первого, так и второго, потому что не имеется в том ни единого твёрдого доказательства или опровержения их. И в этом есть некоторый жизненный парадокс.

Вот и этот, самый правдивый и верный рассказ подошёл к тому моменту, когда, наверное, стоит, или даже необходимо, сделать некоторое отступление и сказать несколько слов о главном герое – Иване Александровиче Политове.

Впрочем, о нём было сказано и так немало. Всё повествование отдано лишь ему одному, и тем не менее следует добавить несколько чёрточек в его портрет для большей уверенности в том, что картина, в конечном счёте, сложится правильная.

Часто, а даже беспричинно много рождается историй, в центре событий которых оказывается ничем не примечательный и даже совсем серый, до блеклости, до прозрачности человек, который внезапно и вдруг попадёт в фантастический вихрь приключений, которых, надо заметить, он не только не желал, но даже сторонился и побаивался. А когда это с ним таки происходит, и он против своей воли неожиданно оказывается в причудливом положении, то эти события, быстро разрастаясь до каких-то космических масштабов, обязательно принимают такой невероятный характер, что поверить в их реальность не представляется возможным, отчего они становятся похожими на вымысел. А главным и ключевым моментом начала таких событий подчас и, к сожалению, является какой-нибудь нелепый и слепой случай. Да, именно по его милости происходит добрая половина... Да что там половина? Почти все самые редкие, захватывающие и интригующие приключения в жизни таких вот героев. Иначе, без этого случая, герои так и оставались бы теми, кем были изначально – бледными, серыми и прозрачными. Словом, обывателями, и интереса к ним не было бы никакого. Отчасти такой поворот служит для объяснения чудесного превращения героя, отчасти для построения тождественности и рождения надежды в сердце любого другого обывателя этот сюжет впитывающего и в тайне желающего встать на его место. Причины бывают и разные.

Но что если случай, в его настоящем понимании, не есть случайность? Что если случай – это последовательность закономерных событий, которая просто не видна рядовому глазу, а он (случай) предстаёт перед нами уже в конечном своём обличье, скрывая за собой весь тот длинный и витиеватый путь свой, который ему пришлось проделать? Что если случай можно объяснить? Не каждый, конечно, но множество из них обязательно. И пусть сперва причины его не очевидны, и он может показаться той самой заурядной, фальшивой, взявшейся из ниоткуда случайностью, двигаясь к корню которой, как по нити, можно нащупать лишь ровно обрезанный край. Но это не всегда так. Что если, изловчившись и вооружившись наблюдательностью и логикой, суметь развернуть всю цепь событий вспять и проследить, методично отделяя каждое звено от другого, как складывалась вся эта цепь. А затем, выложив все полученные элементы идеальным порядком, взглянуть на них свежим взглядом?

Политов никогда не был серой и заурядной личностью. История его началась ещё задолго до описываемых событий. Ещё, наверное, с самого детства его, когда он, по его же словам, должен был разобраться в вопросе о Боге. Нельзя утверждать, что вопрос этот, а вопрос, надо заметить, важнейший, наболевший и издавна волнующий всякую русскую интеллигентскую душу, иными словами душу, которая больше думает и рассуждает, нежели хоть что-то делает – вопрос о Боге, – поначалу не сильно волновал его. Обычно о нём не заду-

мываешься в первые сознательные годы жизни, а только получаешь, впитываешь в себя ту информацию, что в изобилии преподносит тебе мир. Да и потом, чуть позже, тоже задумываться бывает недосуг, потому что мнишь себя уже достаточно образованным, воспитанным. Неким сверхчеловеком, которому многое обязательно удастся, впрочем, и считаешь так только потому, что на самом деле глуп и не разглядел мир как следует. Но вот потом приходит момент, и появляются мысли типа: «А как же всё это устроено?». Вот тогда и встаёт этот тяжёлый, неразрешимый для многих вопрос. Не каждому, далеко не каждому хочется понимать его, а ещё больше, вследствие полученного ответа на этот вопрос, отдавать себя в руки другого, более могущественного существа. Особенно когда совсем недавно ты был ещё сверхчеловеком, достаточно образованным и воспитанным. Требуется бунт! Требуется объяснение! Клокочет и поднимается гордыня: нельзя, нельзя просто так сдать своё самознание, которое накапливалось столько лет, только в угоду всем тем, кто жил до тебя много тысячелетий назад. Только в угоду, пусть и мудрому, но старому порядку, установленному для тебя другими. Нельзя, нельзя этого делать! Не может человек продаться за туман, за прах прошлого, который нынче уже давно развеян по свету. Здесь что-то не так. Не так! Надо дойти самому, надо понять. Надо вывести свою религию. Свою, удобную, лёгкую, не обязывающую тебя ни к чему. И она будет тебе звездой, светом, который поведёт в будущее к твоему счастью. Так это надо сделать!

И Политов создал свою религию. Он выдумал её в результате долгих и мрачных размышлений, фундаментом которой стали теории, практики и традиции древние, которых Политов мог и знать, но словно чувствовал их. Как будто незряче, но интуитивно вступал он след в след за теми, кто рождался до него с идеей, которая оправдывала и объясняла земное существование человека. Политов ощущал, что идея его ещё не так стройна, что в ней ещё зияют пустоты и дыры, но она уже выстроилась и покорила его. А он поддался ей весь. И как бы ни казался путь его чередой случайностей, как бы ни вводил в заблуждение тот морок, что сопутствовал ему, Политов двигался в том же самом направлении, в котором шли до него и будут идти после многие бунтари и революционеры. И нет тут никаких совпадений. Не случись с Иваном Александровичем *той* «удачи», он и тогда бы, рано или поздно, а должен был завершить начатое тем, к чему стремилось его сердце. Потому как не он шёл, а тащила его за собой его же выдуманная идея и религия.

На лестничной площадке Политова трясло от озноба. Он с трудом удерживал прыгающий в руках ключ, чтобы открыть дверь своей квартиры.

Наконец, совладав с замком, он быстро проскользнул в образовавшийся перед ним проём и, едва захлопнув за собой дверь, откинулся на неё спиной и медленно сполз на пол. Вокруг было темно.

Раздавшийся на кухне телефонный звонок сильно испугал его. Он даже вскрикнул от неожиданности. Нажав выключатель и включив свет в прихожей, он прошёл в тёмную кухню и снял трубку.

– Вот и ты! – послышался в аппарате радостный голос Ланца.

Политов немного помолчал и глухо ответил:

– У нас сегодня на службе случилась неприятность...

– Неопрятность, говоришь? – переспросил Ланц и рассмеялся. От этого неуместного смеха Политова покорило. Он даже сморщился.

– Да уж, большей неприятности не придумаешь, – подтвердил Ланц. – Я весь день слежу за новостями, а твой телефон выключен. Я даже приезжал, но меня, представляешь, не пустили! Что там у вас всё-таки стряслось? Мне интересно!

Политов потёр переносицу, а потом первым делом включил на кухне свет и, потянувшись, зажёл огонь конфорки под чайником.

– Да, верно, телефон я не включал, – устало припомнил Политов. – Жигин застрелился. Следствие было. Мне устроили какой-то допрос. Хочу поблагодарить за хорошее место.

Иван Александрович оставил в покое свою переносицу и принялся тереть лоб, но потом отдернул руку, как бы припомнив, как застрелился его патрон.

– Ну, ничего страшного, – заверил Ланц. – В жизни бывает всякое. Что следствие? Про меня спрашивали?

– Да, про тебя спросили вскользь, – ответил Политов. – Ещё какой-то ерундой интересовались. Словом, всё это не очень хорошо.

– Приятного мало, – согласился Ланц. – Но всё утряслось?

– Не совсем.

– То есть? – интересовался Ланц.

Политов помолчал.

– То есть это просто так не утрясётся, мне кажется, – ответил Политов.

– Что ты хочешь этим сказать?

– А как тут скажешь иначе? – и, помолчав, Политов добавил: – Мне что-то показалось, Андрей. Что-то нехорошее.

– Что?

– Следователи. Мне показалось, что они от меня хотели услышать совсем не то, что я им рассказал. Впрочем, и то, что рассказал, их вроде бы заинтересовало, но совсем по-другому, что ли. Только постольку-поскольку. Им как будто хотелось узнать что-то ещё от меня или же вовсе – что-то совсем другое. Словно им было от меня что-то нужно.

Ланц не ответил и задумался.

– Ты говоришь какую-то чепуху и всё путаешь! – наконец, отрезал он. – Ты мнительный! Конечно, мнительный! Что им от тебя может быть нужно? Дело ведь серьёзное, тебя допросили, вот тебе и мерещится. Так со всеми бывает, кого допрашивают. Всем обязательно кажется, что их в чём-то подозревают. Такое уж следователи создают впечатление, хотя только выполняют свою работу. Вот и всё.

– А что в новостях? – перевёл разговор Политов.

– Ничего особенного, – ответил Ланц. – В смысле ничего особенного, кроме самой новости, конечно. Про тебя ни слова. Сообщили о самоубийстве. Идут следственные мероприятия. Ничего нового.

Оба замолчали на какое-то время.

– Ну а в остальном у тебя всё в порядке? – как-то неуверенно осведомился Ланц.

– В остальном? – переспросил Политов и напрягся.

– Ну, да. Во всём остальном? Что ты в самом деле?! – удивился Ланц. – Что с тобой случилось такое?

– Странно, что ты интересуешься, – всё так же напряжённо продолжал Политов и добавил: – Меня сейчас чуть не сбила машина.

– Не может быть! – воскликнул Ланц. – Как это могло случиться?

– А вот так. Тоже какая-то нелепица.

– Но ты же здоров?

Политов посмотрел на свой грязный костюм.

– Да, я здоров.

– Что же это такое! – помолчав, воскликнул Ланц. – Ну и день выдался. Номер запомнил? Марку? Как это вышло? Расскажи! Ах ты, чёрт, стой! По телефону нехорошо. Я к тебе сейчас приеду!

– Андрей, не надо, – попросил Политов.

– Расскажешь. Я ведь чувствую, что ты по своей привычке не всё говорить хочешь! Завтра у тебя ведь день не рабочий? Верно? Начальника твоего не будет, – Ланц как-то неуклюже усмехнулся. Вообще создавалось неприятное ощущение, что все эти события, о которых только что говорил Политов, Ланца несколько не встревожили, разве лишь внешне, для приличия. Скорее наоборот – они разожгли в нём какое-то нездоровое любопытство.

– Не вижу поводов для шуток, – угрюмо заметил Политов. – Кроме того меня на завтра ещё вызывают.

– На допрос? – уточнил Ланц.

– А ещё с меня взяли подписку о неразглашении, и, кажется, я ещё что-то подписал. Сейчас не вспомню. Словом, Андрей, всё это довольно неприятно. Мне сейчас не особенно хотелось бы об этом говорить...

– Чепуха, – возразил тот. – Я буду у тебя через полчаса. Жди. А пока в панику или в расстройство не впадай. Приеду, и что-нибудь придумаем.

Что именно и по какому поводу собирался придумывать Ланц, для Политова осталось до конца не ясным, однако после ещё нескольких вялых возражений он всё же уступил упрямству приятеля и устало повесил телефонную трубку. Затем он слегка приподнял грязную манжету рубашки и взглянул на часы. Стрелки показывали четверть двенадцатого ночи. Политов всё же решил хоть как-нибудь подготовиться к приезду столь позднего и незваного гостя, а заодно и постараться привести свои растрёпанные нервы в порядок, чтобы по возможности понятно и последовательно изложить свой рассказ о произошедших событиях. Для этого он первым делом переоделся в свой любимый обветшалый халат, умылся холодной водой, заварил себе в огромной кружке крепчайший чай и, забравшись с ногами на табуретку, принялся его пить с перерывами на сигарету.

Тут следует сообщить некоторые важные подробности из жизни самого Ланца, чтобы дать более точное описание положению его дел, при которых он, несколько не смущаясь, позволяет себе наносить столь скороспелые и поздние визиты своим друзьям, при этом совершенно не заботясь о той возможной ответственности, которую он может нести, скажем, перед своими близкими этой ночью или же коллегами по работе на следующий день.

А суть Андрея Ланца состояла в том, что он являлся совершенно свободным человеком во всех смыслах этого прекрасного и заманчивого определения. Он, например, насколько имел сведения Политов, никогда не был обременён никакими обязательствами, допустим, перед своей семьёй или же детьми, которых у него попросту не было. Он так же довольно легко и непринуждённо относился и к своим служебным обязанностям, что позволяло ему иногда не появляться в своём рабочем кабинете не только по утрам, но и по целым дням, решая при этом все насущные вопросы исключительно по телефону. А ещё Ланц был из той породы энергичных и непоседливых людей, для которых время, проведённое в застенках своей, надо заметить, весьма добротной квартиры, пусть даже и в самую непогоду, являлось временем, потраченным зря, а, следовательно, и крайне скучным. Сам же он был большой охотник до всего необычного, интересного и весёлого, а, значит, и полезного для его разносторонней души.

Впрочем, тут следует сделать небольшую оговорку касательно первого пункта его независимости. А именно того самого, где говорится об отсутствии семьи. Кроме того что Политов знал о чрезвычайно скептическом отношении своего приятеля к таким необдуманным авантюрам, как семья и брак, он ещё и располагал довольно достоверными сведениями о том, что Ланц в своё время чуть было и сам не попался на подобного рода уловку. Правда, подробностей Иван Александрович сообщить не смог бы, потому как Ланц не любил об этом распространяться в среде своих приятелей, но, однако, совершенно точно было известно, что история та вышла не из приятных. Не то пассия Ланца была уже замужем, не то она была лишь помолвлена во время знакомства с ним, но только влюбился он в неё без памяти,

даже невзирая на подобную, весьма существенную, преграду. И влюбился, надо сказать, так, что, кажется, до тряски в руках, до бегающих зрачков доходило при одном лишь упоминании её имени. Но Ланц не из тех людей, что падают духом при первых же трудностях, – он начал действовать. А действовать он мог умело. И вот, в то время пока его дела амурные шли в гору, его дела производственные шли ровно в противоположную сторону, а стало быть, – под уклон. Однако, эти детали в тот момент не особенно заботили Ланца. Он беззаветно двигался к своей цели, которая в свою очередь заслоняла все другие невзгоды и неурядицы. Сама же пассия тоже как будто прониклась тёплыми чувствами в ответ и даже начала оказывать недвусмысленные знаки внимания. После этого даже можно было бы допустить вероятность появления короткого, но весьма бурного романа, но вдруг всё в один миг рухнуло. Это случилось совершенно неожиданно как для самого Ланца, так и для предмета его страсти: обманутый муж раскрыл вероломный план двух любовников, и дело обязательно дошло бы до убийства, если бы не роковой случай, расставивший всё на свои места.

Трагедия случилась как раз с тем самым законным супругом, и, благо, виновником её стал отнюдь не Ланц. История умалчивает, каким образом это произошло, но зато она абсолютно категорично утверждает, что верный муж и любящий супруг – погиб. Вот в этом-то сомневаться совсем не приходилось. Однако, когда все мыслимые и немыслимые преграды, казалось, были разрушены, а впереди открывался привольный простор для влюблённых, случилась вещь ещё более неожиданная и до конца непонятная многим: пассия вдруг исчезла без следа.

Наверно, не стоит говорить о том, каким ударом прошёлся её поступок по Ланцу. Бедняга не находил себе места. Как он только ни пытался отыскать свою возлюбленную, но всё было тщетно.

А между тем производственные дела его пришли в окончательный упадок. Очевидно, только чудо помогло ему справиться со всеми навалившимися враз на него несчастьями, и спустя год он всё же кое-как поправил своё положение. Но этот урок, который преподнесла ему жизнь, он запомнил надолго, после чего Ланц зарёкся больше никогда не впутываться в подобные неблагоприятные приключения.

– Я привёз коньяк, – без лишних церемоний заявил Ланц, как только его широкая фигура возникла в проёме входной двери. Он был одет, по своему обыкновению, в плащ, в костюм-тройку, а на ногах горели глянец, несмотря на слякотную погоду, начищенные ботинки.

Политов ничего не ответил, а только кисло оглядел своего нарядного приятеля.

– А что? – удивился Ланц, словно читая его мысли. – Не вижу тут ничего странного. Я же пришёл в гости.

Дальше он, не говоря ни слова, начал протискиваться мимо Политова по прихожей, при этом задевая своими широкими плечами висящие там вешалки. Затем, очутившись на кухне, Ланц ловко достал из портфеля бутылку коньяка, лимон, плитку шоколада, живописно разложил всё это на столе и, указав на угощение Политову, широко заулыбался.

– Знаешь, я не понимаю, в чём заключается твоё веселье? – взяв лимон и начав его мыть, спросил Политов. – Застрелился человек. И, кажется, тебе не посторонний. Меня завтра вызывают на допрос. Отчего ты в этом находишь столько смешного, я, наверно, понять не смогу.

Ланц молча и деловито скинул пиджак и, положив его на широкий подоконник, уселся на один из стоящих тут же мягких табуретов. Потом он достал из портсигара сигарету, вырвал зубами фильтр и, вставив её в мундштук, закурил.

Несмотря на то что, оказавшись в одной рубашке и жилете, отчего объем ланцевых плеч изрядно поубавился, он всё равно представлялся чрезвычайно большим для маленькой кухоньки Политова. Взглянув на него, крепко и хорошо сложенного, сидящего в таких

скромных декорациях, сразу становилось ясно, что этот человек не привык к такому тесному устройству. Ему шло не иначе как широкое кресло, большой стол, просторное помещение. Там и только там он смог бы чувствовать себя хорошо и органично. А очутиться в кухне обычной пятиэтажки для него было равносильно тому, как если бы полутонного моржа попытались запихнуть в квартирную ванную. Всё это Ланц тоже хорошо понимал, а поэтому чувствовал себя несколько неуютно, хотя его природное чувство юмора слегка компенсировало эту неловкость.

– Я не веселюсь, – запоздало ответил Ланц. – Прости, но Жигина мне совсем не жаль. Тебя да, а его – совсем нет.

– Чем же он тебя так обидел? – спросил Политов, принявшись нарезать лимон и раскладывать его дольки на маленькой тарелочке.

– Паршивый был человек! – убедительно воскликнул Ланц и принялся открывать бутылку своим карманным перочинным ножом. Заметив это, Политов начал расставлять стаканы, а Ланц продолжил:

– Знаешь, нехороший человек он был. А мне, Иван, уж можно верить! Я таких, как он, проходимцев на своём пути столько встречал, что в их распознавании могу фору самому чёрту дать, который этих самых пройдох у себя и держит.

Справившись с бутылкой, Ланц отложил мундштук в пепельницу, разлил коньяк по стаканам и, взяв один в руку, а второй поставив перед сидящим на другом табурете Политовым, сказал:

– А собственно, чёрт с ним, с этим Жигиным! Туда ему и дорога, и суд у него теперь свой.

В этот момент Политова передёрнуло. Ему вдруг подумалось о судьбе своего бывшего начальника: а действительно – где он сейчас? На какой же суд его отправляет Ланц? И есть ли вообще этот суд? А если есть, то, быть может, его сейчас и судят. Да, вот именно сейчас, в данную минуту, когда они с Ланцем распивают коньяк, в этот самый миг решается вечная судьба Жигина. Как так может быть: одни сидят и пьют коньяк и даже не думают о своём будущем, а в это самое время решается вечная судьба другого. От этих мыслей Политову стало плохо, и он залпом выпил жидкость из своего стакана. Политову сразу стало легче, и он взял дольку лимона.

– Хорошо? – осведомился Ланц и сам же удовлетворительно констатировал. – Хорошо.

Он тоже выпил коньяк, словно водку, и, не закусывая, взяв бутылку, принялся рассматривать этикетку, а потом, как будто опомнившись, воскликнул:

– Так, стой, мы же не для этого с тобой собрались! Расскажи, да с подробностями, что там сегодня у вас приключилось?

Политов достал сигарету и закурил.

– Андрей, я же дал подпись. Протокол... Как я могу тебе рассказать?

Ланц махнул рукой и взялся за свой мундштук.

– Не придумывай, пожалуйста. Все когда-нибудь и где-нибудь дают подобные расписки и имеют дело с протоколами, однако и понимают, что это пустая формальность. Кроме того, ты рассказываешь мне, а не кому-нибудь ещё. К слову, не хотелось напоминать, но именно мне ты обязан тем, что стал таким важным свидетелем. Уж будь добр, Иван, оплати должок.

– Да уж, покорнейше благодарю, – нахмурился Политов.

– Ну, будет тебе упираться, – спокойно ответил Ланц и вновь разлил по стаканам коньяк.

Собственно, Политов и не собирался особенно упираться, а так, только от усталости хотел покапризничать, но, сделав ещё один глоток коньяка, расслабился и повёл свой рассказ, из которого часть событий нам уже известна.

Политову почему-то не очень хорошо запомнились первые минуты после того, как он покинул кабинет Жигина. До этого ему казалось, что всё было вроде бы как ясно и понятно, но как только он захлопнул за собой кабинетную дверь и направился к телефону в приёмной, рассудок его словно бы помутился, и в памяти это время отложилось весьма тускло и бестолково.

Из приёмной Иван Александрович совершил несколько необходимых в таких случаях телефонных звонков и преспокойно расположился в ожидании в своём кабинете. А ждать пришлось совсем не долго: словно бы по ловкому движению фокусника в приёмной начали появляться люди, а вместе с ними постепенно начал нарастать и гул, складывающийся из множества преимущественно мужских голосов.

Политов внимательно следил за прибывающей публикой, которая, как это бывает со всякой публикой в такие трагические и непонятные моменты, бегала, мельтешила, выражала всяческое нетерпение, заходила в кабинет Жигина, а потом покидала его в ещё большем беспокойстве. От этого всего могло сложиться впечатление, что в воздухе повисло такое количество паники и растерянности, что вся атмосфера стала трепетать и раскачиваться, как на терпящем бедствие окаянном корабле.

Большую часть людей, которые стянулись сюда при известии о катастрофе, Политов знал. А если и не был знаком лично, то по крайней мере приблизительно представлял, кто и какую область из них представляет. В основном это были сотрудники внутренней безопасности министерства: бывшие военные, все аккуратно стриженные, выглаженные и подтянутые согласно уставу, что, между прочим, делало их весьма трудно различимыми между собой и мешало их опознанию. Другие же люди были повыше рангом – из руководства. Рядовых сотрудников Иван Александрович среди них не заметил. Даже секретаря и Марину не пропустили к своим рабочим местам.

Далее в приёмной показались медики. Они приехали довольно скоро и быстро пробежали через приёмную в своих голубых костюмах и с объёмистыми чемоданчиками в руках. Но что больше всего в этом действе поражало Политова, так это то, что на него практически никто не обращал никакого внимания. Он сидел себе совершенно спокойно в своём кабинете, и абсолютно никому даже не приходило в голову подойти да расспросить его о том, что именно тут произошло.

А волнение меж тем нарастало ещё. До Политова начали доноситься чьи-то женские возгласы из коридора, они были слышны, когда ненадолго туда открывалась дверь. Кажется, у кого-то случилась истерика. Наверно, это приехала жена погибшего.

Сомнений быть не могло – новость о самоубийстве мгновенно прокатилась по всему учреждению и выкатилась с успехом наружу, что, разумеется, привело к увеличению потока служащих, желающих поглядеть и поучаствовать в этом из ряда вон выходящем событии.

Но тут для Ивана Александровича наблюдение прекратилось, потому что кто-то подошёл к его кабинету и аккуратно притворил дверь. Политов остался один и теперь уж в совершенной изоляции. Тогда от нечего делать Иван Александрович поднялся со своего места и прошёлся по кабинету. Потом он выглянул в окно и зачем-то осмотрелся, словно желая найти что-то новое в кабинете. Но ничего не найдя, уселся обратно и задумался.

На улице всё так же продолжал моросить дождик, а серое солнце по-прежнему странным взором своим глядело через стекло в кабинет, скрадывая у предметов все краски. Политов, устремив свои невидящие глаза в одну точку, прислушался к дождю, и какие-то нелепые мысли побежали в его голове. Он пытался их собрать, но это у него не получалось. Политов сидел в каком-то оцепенении и никак не мог сообразить, что ему следует делать и следует ли

делать что-нибудь вообще, потому что отсутствие внимания к его персоне приводило его в некоторое замешательство и растерянность.

Оцепенение было разрушено с приходом двух весьма удивительных субъектов. Первый из них появился раньше второго, чем наделал больше шума, чем вся предыдущая публика со всем своим беспокойством.

Этот первый ворвался в приёмную почему-то с грохотом, который услышал даже отгороженный дверью Политов. Он во всеуслышание прокричал звонким тенором:

– Так, ну ладно! Будем делать дело?!

Затем этот тип начал нетерпеливо что-то у кого-то выпрашивать и тараторить в ответ, а потом распахнул дверь в кабинет Политова и, почти впрыгнув вовнутрь, захлопнул её за собой.

– Ага! Иван Александрович! – воскликнул он, разглядывая Политова, а потом будто в умилении приподнял брови.

Политов невольно встал.

– А вы молоды, – зачем-то заметил вошедший господин. – Я думал, что таких молодых в помощники не берут. Даже удивительно, до чего быстро освежаются наши структуры.

Вошедший или, правильнее сказать, вломившийся господин был энергичным мужчиной лет сорока пяти, довольно плотного телосложения и низкого роста. Его круглое и бритое лицо было красно, словно он только что пробежал кросс, а на лбу проступали капельки пота. Его редкая и короткая чёлка, лежащая на влажном лбу, была также мокра, от чего распалась на множество отяжелевших сосулек. Маленький крючковатый нос жадно вбирал в себя воздух, как бы принимаясь, а жирные губы его улыбались. В общем, господин производил впечатление эдакого весёлого толстячка, собратьев которого без труда можно встретить в различных дешёвых питейных заведениях за просмотром футбольного матча с пивной кружкой в руках. Узел галстука под воротником был распущен, а тёмно-синий костюм на нём буквально расползлся по швам, пытаясь скрыть толстую и неуклюжую фигурку своего хозяина.

– Позвольте представиться, – несколько поклонившись, начал толстяк. – Меня зовут Черешнев Антон Аркадьевич. Я следователь из Управления. Будем, так сказать, знакомы.

Толстяк протянул руку.

– Приятно, – флегматично ответил Политов и протянул руку в ответ. – А я уже было подумал, что меня тут совсем и не замечают, – мрачно добавил он.

– Ой, ну что вы! – замахал руками Черешнев. – Как такое может быть? Вовсе нет! Дело в том, что, благо, люди тут работают грамотные и понимают, что у таких свидетелей, как вы, первыми всю информацию должны выуживать не зеваки, а совсем другие сотрудники. И у меня к вам сразу один вопрос: мобильный телефон имеется?

– Да.

– Вы, я надеюсь, никуда не звонили за, – он взглянул на часы, – последний час?

– Нет.

– Превосходно! Тогда позвольте на время у вас его изъять, – вежливо попросил Черешнев, протягивая к Политову свою пухлую руку.

Иван Александрович поднял со стола мобильный аппарат и подал его следователю. Тот проворно схватил его и, выбежав в приёмную, отдал его какому-то человеку в штатском.

– Ну-с, теперь полный порядок, – дружелюбно пояснил вернувшийся Черешнев.

– Наверно, необходимо рассказать, как всё случилось? – начал было Политов.

– Нет, нет! – запротестовал Черешнев. – Не мне! Сейчас прибудет старший, ему-то вы всё и доложите. А я приехал сюда, так сказать, вперёд, чтобы порядок был. Да вы садитесь, не волнуйтесь!

Действительно, Политов ещё продолжал стоять и из такого положения вести диалог со следователем.

– Я не волнуюсь, – опустившись в своё кресло, ответил он.

«Старшего», как назвал его дружелюбный Черешнев, ждать пришлось сравнительно недолго. Произошло это так.

Оказавшись в кабинете раньше своего начальника, этот Антон Аркадьевич первым делом, словно охраняя Политова, чтобы тот не сбежал, принялся активно и молча ходить по кабинету из угла в угол с заложенными за спину руками. Казалось, что этот упитанный человек просто-таки совсем не умеет сидеть на одном месте, а внутри него помещён какой-то беспокойный моторчик, который почти физически заставляет своего хозяина шевелиться. Таким маятником Черешнев проходил четверть часа, пока в один из моментов, когда он, если следовать терминологии о маятниках, «отклонился» в сторону, на пороге кабинета перед Политовым вдруг бесшумно возник человек. Политов быстро поднял на него глаза.

– Шоныш Игорь Андреевич, – сухо представился мужчина и сделал шаг в кабинет. – Я старший следователь по особо важным делам, – продолжал мужчина ровным безликим голосом, держа в руках чёрный кожаный портфель для бумаг.

Политов невольно вновь встал и представился в ответ.

– Я знаю, кто вы, – спокойно ответил Шоныш и осмотрел кабинет.

– О, Игорь Андреевич! – обернувшись, радушно воскликнул Черешнев. – А мы вас ждём, ждём!

– Антон, открой, пожалуйста, окно, – без приветствия обратился Шоныш к Черешневу и, уже смотря на Политова, спросил, указывая на свободный стол Марины: – Вы не против, если я расположусь здесь?

– Пожалуйста, – согласился Политов и с большим любопытством упёрся взглядом в нового следователя. Это был аккуратный седовласый мужчина, почти что преклонного возраста, высокий и худой. Лицо его было бледное с желтизной, слегка осунувшееся, но в то же время суровое, хранящее на себе налёт тяжело прожитых лет. Морщины, которые явно имели большую глубину, чем следует в его возрасте, располагались на лице согласно каким-то причудливым законам геометрии: горизонтальные морщины на высоком лбу лежали параллельно выступавшим вперёд надбровным дугам, а морщины на самом лице имели точную перпендикулярность морщинам на лбу. Его глаза – узкие, чёрные и колющие – сидели глубоко в потемневших глазницах вблизи носа, который, в свою очередь, был высок, мясист и чуть расширялся к кончику. От этого всего его физиономия принимала вид диковинной и озлобленной крысиной мордочки. К этому следует добавить белоснежные бакенбарды, тянущиеся от висков к тонким и вжатым губам, а также рыхлый подбородок, плавно перетекающий в шею.

На Шоныше был надет серый длиннополый плащ, из-под которого выглядывал в тон плащу костюм. На шее красивым узлом был повязан чёрный галстук, поддерживающий ворот хорошо выглаженной белой рубашки.

Политову вошедший человек с первых своих слов не понравился и даже вызвал в нём чувство, похожее на ощущение грозящей опасности. Со стороны ничего удивительного в этом Шоныше вроде бы не наблюдалось, а даже наоборот – выглядел он весьма обыкновенно и серо, как средний человек, которого можно в любую минуту встретить в такую погоду на улице, однако Политов ощутил в себе некое волнение и даже робость от присутствия поблизости этого субъекта.

– Теперь-то лучше, – медленно и удовлетворённо заметил Шоныш, когда Черешнев, резво подскочив к окну, открыл его.

Кабинет сразу наполнился погодной сыростью, и по воздуху начали разбегаться струйки свежего, но прохладного осеннего воздуха.

Шоныш снял с себя плащ и аккуратно повесил его на стоявшую в углу вешалку.

– Не люблю, когда в помещениях душно, – пояснил он, открыв свой портфель, и принялся выкладывать на Маринин стол прозрачные папки с бумагами. – В кабинетах воздух спёртый, а здоровье не вернуть. Позвольте? – указал он на документы, оставленные в большом множестве на столе.

– Да, конечно, – Политов привстал, чтобы освободить рабочее место, но Шоныш остановил его.

– Не утруждайтесь, я сам.

Старший следователь бережно сложил все лежащие на столе бумаги в стопку и тяжело перенёс их на соседний стул. После чего он сел за стол сам и вздохнул:

– Так вот... Да, Антон, ещё тебя попрошу, – подняв вверх голову и прищурившись, монотонно вымолвил Шоныш. – Включи, пожалуйста, свет.

– Сейчас, – исполнительно ответил тот.

– Зрение тоже, – добавил Шоныш как бы в задумчивости, рассматривая свои бумаги.

Черешнев исполнил просьбу и зажёл лампы. Вместе с этим светом и ещё со стылым и ленивым голосом Шоныша на кабинет сразу обрушилась какая-то жёлтая тоска и скука. В искусственном освещении, когда оно загорается раньше, чем за окном успевают проступить первые сумерки, всегда есть нечто болезненное и лживое. В такие минуты солнце, показывая своё явное превосходство и как бы насмехаясь над людьми, начинает светить за окном пусть бледным, но более живым и естественным светом, тем самым обличая ничтожность и жалкость всех человеческих попыток создания искусственных светил.

– Спасибо, Антон, – поблагодарил старший следователь. На минуту в кабинете наступила тишина, было только слышно, как сопит своим носом Черешнев, и как шипит дождь за окном.

– Иван Александрович, – официальным тоном вдруг обратился Шоныш к Политову, когда из всех своих бумаг он извлёк какой-то исписанный бланк и его в одиночестве положил перед собой. – Как я понимаю, вы являетесь главным свидетелем по делу о том, что произошло сегодня в стенах этой организации. Ведь вы наши труп?

Он посмотрел на Черешнева, и тот утвердительно закивал головой.

Политов промолчал.

– Поэтому мне следует задать вам несколько вопросов о том, что происходило до того, как приключилось это несчастье. Но давайте сначала вы расскажете мне как можно подробнее, останавливаясь на деталях, что предшествовало трагедии. Мой коллега кое-что запишет, – в это время Черешнев достал откуда-то шариковую ручку и какой-то бланк, который разместил на пластиковой подставке с держателем, – но главные показания вы дадите завтра уже в Управлении. Вам позже выпишут повестку. Сейчас же мы с вами проведём своего рода репетицию.

Шоныш говорил это таким голосом, что можно было подумать, что каждое слово ему даётся с трудом, однако это мнение было ошибочно. Те, кто знал этого человека давно, без труда смогли бы определить, что вся ситуация Шоныша начинает почему-то интересовать всё больше и больше. И чем медленнее и отрывистей он выговаривает слова, тем внимательнее следит за всем происходящим.

Политов утвердительно кивнул и уже хотел было начать своё повествование, как его перебили.

– И ещё. Мне сказали, что вы хотели выйти покурить? Верно? – осведомился Шоныш.

Политов удивился такому вопросу и кивнул головой.

– Да, действительно, я хотел выйти покурить, – подтвердил он, при этом сообразив, что об этом его желании могла сообщить только Марина.

– Так давайте, чтобы вас не стеснять, и чтобы вам не отвлекаться, – закуривайте тут. Я думаю, никого это не побеспокоит. Окно открыто. Прошу только – на меня не дымите, пожалуйста, – Шоныш попытался улыбнуться. – А пепельницу сделаем...

– Да вот хотя бы из этой коробочки, – подхватил дружелюбно Черешнев, и, подойдя к столу, он вынул из карандашной точилки отсек для стружек и подал его Политову. Иван Александрович взял его и потянулся к сигаретам, лежащим во внутреннем кармане пиджака. Он действительно очень хотел курить.

– Что-то не так? – внимательно разглядывая Политова, осведомился вдруг Шоныш. Тут он заметил, что по лицу свидетеля, который полез во внутренний карман своего пиджака, внезапно, за какую-то долю секунды, не больше, пронеслась тень сильного удивления. Словно его что-то неожиданно укололо, и от чего не только лицо его, но и вся осанка на миг изменилась.

– Нет. Ничего, – ответил Политов и, солгав, достал сигареты, чиркнул зажигалкой и закурил.

А дело было вот в чём. Когда Иван Александрович запустил свою руку в карман, то с изумлением нащупал там нечто такое, чего он никак не ожидал найти. Он даже хотел вынуть незнакомый предмет наружу, чтобы рассмотреть его как следует, но успел сообразить, что там лежит, и достал только сигареты. Незнакомым предметом было перо, которое Политов неизвестно зачем вынул из руки мертвого Жигина и присвоил, а теперь на время совсем позабыл о нём.

– Можно начинать, – предложил Шоныш. – Только для начала я задам вам несколько коротких вопросов: Давно ли вы здесь служите?

– Чуть больше месяца.

– Хорошо. Как вы сюда поступили?

– По рекомендации.

– Чьей?

– Одного моего приятеля. Андрея Ланца.

– Он сам вас рекомендовал Жигину?

– Да.

– Хорошо. Нравится вам ваша служба?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.